

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ 2019

Сборник статей Международного
научно-исследовательского конкурса,
состоявшегося 7 октября 2019 г.
в г. Петрозаводске

г. Петрозаводск
Российская Федерация
МЦНП «Новая наука»
2019

УДК 001.12
ББК 70
НЗ4

Под общей редакцией
И.И. Ивановской

НЗ4 НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ 2019 : сборник статей
Международного научно-исследовательского конкурса (7 октября 2019 г.) –
Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2019. – 68 с. : ил. — Коллектив авторов.

ISBN 978-5-907230-12-5

Настоящий сборник составлен по материалам Международного научно-исследовательского конкурса НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ 2019, состоявшегося 7 октября 2019 года в г. Петрозаводске (Россия). В сборнике рассматривается круг актуальных вопросов, стоящих перед современными исследователями. Целями проведения мероприятия являлись обсуждение практических вопросов современной науки, развитие методов и средств получения научных данных, обсуждение результатов исследований, полученных учеными и специалистами в охватываемых областях, обмен опытом.

Сборник может быть полезен научным работникам, преподавателям, слушателям вузов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Авторы публикуемых статей несут ответственность за содержание своих работ, точность цитат, легитимность использования иллюстраций, приведенных цифр, фактов, названий, персональных данных и иной информации, а также за соблюдение законодательства Российской Федерации и сам факт публикации.

УДК 001.12
ББК 70

ISBN 978-5-907230-12-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	4
ПОНЯТИЕ ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	4
<i>Фомичева Жанна Евгеньевна, Андреев Владимир Николаевич</i>	
ПИСЬМА А.П. СУМАРОКОВА Г.А. ПОТЁМКИНУ В КОНТЕКСТЕ «ПИСЬМА ЦАРЮ».....	14
<i>Суровцева Екатерина Владимировна</i>	
СЕКЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	21
ОСТРАКИЗМ И РОДСТВЕННЫЕ ФЕНОМЕНЫ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	21
<i>Бойкина Екатерина Эдуардовна</i>	
ОСНОВНЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В СТРУКТУРЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МОТИВАЦИИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ИСПОЛНЕННОСТИ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН ТВОРЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ	33
<i>Космос Катерина Игоревна</i>	
СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	43
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ УЧАЩИХСЯ 5 - 6 КЛАССОВ ПОСРЕДСТВОМ ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ.....	43
<i>Хомякова Мария Николаевна</i>	
СЕКЦИЯ ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ.....	48
ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО НАСЛЕДОВАНИЯ: ВЗГЛЯД КЛАССИЧЕСКОЙ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ.....	48
<i>Интымакова Лариса Григорьевна, Стародубцева Зинаида Григорьевна</i>	
СЕКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	52
ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ	52
<i>Бабаев Таймураз Владимирович</i>	
СЕКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	56
ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА И АНАЛИЗ ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ	56
<i>Шиков Юрий Алексеевич</i>	
СЕКЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ	62
АГРОТЕХНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЩИВАНИЯ САХАРНОЙ КУКУРУЗЫ В УСЛОВИЯХ КБР	62
<i>Ханиева И.М., Шогенов Ю.М., Виндугов Т.С., Забаков А.Б.</i>	

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81-114

**ПОНЯТИЕ ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Фомичева Жанна Евгеньевна

к.ф.н., доцент

Андреев Владимир Николаевич

к.ф.н., доцент

ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н.Толстого»

Аннотация: Концепция диалогичности М.М. Бахтина вводит принцип диалога в анализ текста, языка, познания. Понятие диалога рассматривается в контексте гуманитарных идей XX века, получивших воплощение в работах российских и европейских филологов в начале XXI века. Первостепенное значение для современной филологии имеет исследование диалогичности как основного качества текста, характера диалогических отношений между представителями разных литературных поколений и их текстами; изучение непереносимого возрастания информации в процессе сопряженной деятельности автора и адресата; толкование приращения смыслов в условиях порождения текста и его восприятия и интерпретации.

Ключевые слова: Диалогичность, филология, стилистика романа, текст, дискурс, коммуникация, интертекстуальность.

**THE CONCEPT OF DIALOGUE IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY
PHILOLOGICAL DISCOURSE**

Fomicheva Zhanna Evgenevna

Andreev Vladimir Nikolaevich

Abstract: The conception of dialogics worked out by the Russian philologist M. Bakhtin as the original language philosophy brings a new perspective to the analysis of language, text and cognition. The report argues the case for employing the concept of dialogue as the essential part of contemporary philology. The interest of the Russian and European scholars to the analysis of dialogic relations between representatives of different literary generations and their texts, of the increasing information in the process of the mutual activity of the author and addressee is primarily important.

Key words: Dialogism, Philology, novel stylistics, text, discourse, communication, intertextuality.

Концепция диалогичности, разработанная выдающимся русским филологом М.М. Бахтиным как оригинальная философия языка, оказала существенное влияние на контекст гуманитарных идей XX века, которые получили свое воплощение в трудах по коммуникативной филологии в первом десятилетии XXI века. Решение фундаментальных вопросов межтекстового взаимодействия, восходящих к трудам М.М. Бахтина и лежащих в основе преемственности культуры, представлено в многочисленных работах современных отечественных и зарубежных исследователей. [1; 8; 14; 10; 12] Проблематика поэтики диалогизма включает установление типологии функций межтекстовых отношений в художественном тексте, определение закономерностей отношения текста со временем и творческим субъектом, выявление механизмов реинтерпретации классических произведений, разработку способов оптимизации понимания текста на основе тех элементов, которые в нем объективно существуют. Необходимо подчеркнуть, что главное, что объединяет и связывает указанные работы, принадлежащие различным научным парадигмам и национальным культурам, - направленность на понимание и интерпретацию уже сказанного другими.

Исследователи научного наследия ученого отмечают многозначность использования М.М. Бахтиным понятия «диалог», справедливо отмечая, что спектр его значений – от лингвистического – до «модели мира» [12]. Значимость концепции диалогичности Бахтина для развития филологической науки отражена в следующем утверждении И.В. Арнольд: «Понимание есть не только осмысление, но и переосмысление воспринятого. Сказанное справедливо не только для художественной литературы, но и для науки. Понимание концепции Бахтина тоже приводит нас к ее переосмыслению в соответствии с современными задачами и другими теориями, в свете которых мы понимаем теперь диалогизм» [1, с 414].

Отмеченная М.М. Бахтиным диалогическая соотнесенность текстов, взаимодействие текстов и контекстов приобщает данный текст к диалогу текстов в истории литературы и культуры в целом и обуславливает их единство [2;5]. Данные выводы, сделанные М.М. Бахтиным в начале 50-х годов XX века, предваряют теорию интертекстуальности, т.е. включения одного текста в другой, связи текстов разных эпох, разноязычных, и относящихся к разным жанрам. Термин «интертекстуальность» был предложен французским литературоведом и семиотиком Ю. Кристевой и получил широкое распространение в отечественном и зарубежном научном дискурсе. Понимание диалогичности в работах современных исследователей текста, согласно выводам И.В. Арнольд [1], расширяется, «поскольку Бахтина интересовал только вербализованный диалог», а в современном контексте интертекстуальность понимается «в широком семиотическом смысле, а текст - как сообщение в любом, необязательно вербальном коде, служащее для передачи и хранения информации и порождения новых смыслов». Подобная «синкретическая интертекстуальность» иллюстрируется российским ученым на примере исполнения «Реквиема» Бриттена, посвященного жертвам второй

мировой войны, в котором симфоническая музыка сочетается с традиционными словами заупокойной службы, исполняемыми на латыни хором мальчиков, и английским текстом трагических, антивоенных стихов У. Оуэна «Гимн обреченной молодости». Автор отмечает, что «сочетание всех голосов создает большую эмоциональную напряженность» и «здесь в полном соответствии с тем, что говорил Бахтин, слушатель не только участвует в окружающей его действительности, но и соприкасается со многим в истории и в предшествующей культуре [1, с. 393].

В контексте современного филологического дискурса художественный текст, рассматриваемый как звено в текстовой цепи той или иной сферы культуры, представляет собой сложное и многоплановое явление, является основой взаимопонимания людей, их духовного контакта. Наличие в таком тексте диалогических ответных реакций разного рода на другие тексты данной сферы речевого общения определяют его композиционно - стилистические особенности. Положение о внутренней диалогичности литературного произведения, разработанное М.М. Бахтиным, находит свое отражение в исследовании стилистики романа [2]. Роман как целое, согласно ученому, представляет собой "многостильное, разноречивое, разноголосое явление". С точки зрения стилистики, по утверждению М.М. Бахтина, роман – это "художественно организованное социальное разноречие, иногда разноязычие, и индивидуальная разноголосица" [2, с. 76].

Специфика романной стилистики состоит в движении темы по языкам и речам, в ее диалогизации и заражении разноречием и разноголосием предметно-смыслового мира романа, в тексте которого многоголосие и разноречие сочетаются в стройную художественную систему, каждый элемент которой участвует в раскрытии смысла целого. М.М. Бахтин называет такой роман с новыми принципами художественного сочетания элементов и построением целого полифоническим в отличие от других возможных форм монологического романа (биографического, исторического), для которых, безусловно, характерен единый мир авторского сознания [2].

Справедливость сделанных русским филологом важных выводов о диалогизации темы в полифоническом романе подтверждается в исследовании текста как объекта филологической интерпретации, проведенном британским стилистом Р. Поупом [13]: “Apparently ‘single-voiced’ discourse always turns out to be many-tongued. And an apparent polyphony of voices always turns out to have a dominant harmony or melody” [13, p. 198]. Здесь особенно важно подчеркнуть выводы И.В. Арнольд [1] о «плодотворном» соответствии учения Бахтина сущности филологии, поскольку «филология – интерпретационное знание», которое «предполагает диалогические отношения с тем, что уже сказано раньше в литературных, исторических и других контекстах». И.В. Арнольд замечает, что «теорию диалогизма Бахтин создал, исследуя художественное открытие Достоевского» о диалогическом общении между сознаниями как сфере бытия идеи – «как и слово, она должна быть услышана и на нее должен быть получен ответ другими сознаниями» [1, с. 394].

Проведенный нами аналитический обзор книг и статей М.М. Бахтина, работ современных отечественных и зарубежных исследователей текста, и дискурса позволяет сделать вывод о том, что теория диалога М.М. Бахтина, обогащенная концепцией полифонического романа, сыграла значительную роль в современном понимании текстовой деятельности в структуре литературной коммуникации. Представленные в современных трудах по стилистике и лингвистике текста аспекты решения фундаментальных вопросов межтекстового взаимодействия восходят к трудам М.М. Бахтина, ученых его круга, представителей отечественной формальной школы, лежащим в основе современного коммуникативного подхода к тексту. Так, по мнению стилиста Майкла Бурка [11], концепция диалогизации особенно важна для понимания литературно-художественного текста как процесса постоянно совершающейся коммуникации, характерного для современной лингвистики: "It was the literary theorist Mikhail Bakhtin who first conceived of the dialogic nature of literary discourse. In his theory he spoke of "orchestrations of voices", and coined such productive phrases as "polyphony" and "heteroglossia" [11, p. 85].

Особое внимание обратим на то, что работы великих филологов прошлого века, сыгравшие «ключевую роль в осмыслении коммуникативной сущности языка и литературы» [9, с. 18], и современные труды по коммуникативной филологии неизбежно объединяет и связывает не только исследовательский интерес к изучению направленности на понимание и интерпретацию уже сказанного другими. Подчеркнем, что первостепенное значение для современной филологии имеет исследование диалогичности как основного качества текста, изучение характера диалогических отношений между представителями разных литературных поколений и их текстами. Акцент современных исследователей текста и дискурса направлен на изучение интерпретационного потенциала диалога, связанного с непременным возрастанием информации в процессе сопряженной деятельности автора и адресата, и толкование приращения смыслов в условиях порождения текста и его восприятия [10].

Подчеркнем также, что с позиций одной из современных отраслей лингвистического знания - коммуникативной стилистики [6], текст понимается как продукт первичной коммуникативной деятельности автора, в котором потенциально запрограммирована вторичная коммуникативная деятельность адресата, и как объект вторичной коммуникативной деятельности. Текст как форма коммуникации всегда ориентирован «на другого», даже если этим «другим» является сам автор [6, с. 235]. Потребность текста, как генератора смысла, в данной направленности «на другого» обусловлена глубоко диалогической природой сознания человека, о которой в своих работах писал М.М. Бахтин.

Развивая идею о диалогическом характере понимания литературно-художественных текстов в статье "К методологии гуманитарных наук", М.М. Бахтин выделяет из конкретного эмпирического акта понимания отдельные акты, обладающие идеальной смысловой (содержательной)

самостоятельностью. Эти акты, неразрывно слитые в единый процесс в реальном, конкретном понимании, дифференцируются ученым следующим образом: 1) психофизиологическое восприятие знака; 2) опознание его (как знакомого или незнакомого) и понимание его повторимого (общего) значения в языке; 3) понимание его значения в данном контексте; 4) активно-диалогическое понимание (спор-согласие), включение в диалогический контекст [4, 381]. Таким образом, всякое понимание, согласно М.М. Бахтину, есть диалогическое соотнесение данного текста с другими текстами и переосмысление в новом контексте (читательском, современном, будущем) [4, 384]. М.М. Бахтин разграничивает этапы диалогического движения понимания: исходная точка - данный текст, движение назад - прошлые контексты, движение вперед - предвосхищение (и начало) будущего контекста. Отмечая историчность и универсальность "активно-диалогического понимания", М.М. Бахтин пишет о том, что "диалектика родилась из диалога, чтобы снова вернуться к диалогу на высшем уровне (диалогу личностей)". Контакт текстов (контекстов), приобщающий данный текст к диалогу, есть, по М.М. Бахтину, "диалогический контакт между текстами (высказываниями), а не механический контакт "оппозиций", возможный только в пределах одного текста (но не текста и контекстов) и необходимый только на первом этапе понимания (понимания значения), а не смысла. За этим контактом контакт личностей, а не вещей (в пределе) [4, 54-385].

Отметим так же, что учет антропоцентрического характера современной научной парадигмы предполагает рассмотрение текста как единицы культуры. Текст, погруженный в культурное пространство описываемой эпохи, безусловно, направлен на культурологический тезаурус адресата. Следовательно, по утверждению отечественного филолога и семиотика Ю.М. Лотмана, текст, для того, чтобы быть приведенным в работу, непременно нуждается в собеседнике: «чтобы работать, сознание нуждается в сознании, текст – в тексте, культура – в культуре» [7, с. 12].

Значимость концепции диалогичности М.М. Бахтина для развития филологической науки, в частности, в введении принципа диалога в анализ текста, языка, познания, отчетливо отражена в следующем утверждении британского стилиста Пола Симпсона: "Bakhtin, whose ideas seem to be relevant to most discourse phenomena in some way or other, reserves a number of terms for various sorts of "multi-voiced" discourse <...> The work of Mikhail Bakhtin <...> continues to occupy the foreground of much contemporary stylistic-related work and there is little sign of any downward trend in the level of application of his ideas [14, p. 80]. Рассмотрение Полом Симпсоном концепции диалогичности М.М. Бахтина в контексте современной широкой модели вседиалогического текста, обращенной к дискурсу, убедительно демонстрирует филологические истоки современной текстовой модели и представление о тексте как о содержательном единстве, для которого характерна относительность границ, как начала, так и конца.

Проблематика современных филологических работ, посвященных различным аспектам межтекстового взаимодействия, а также исследованию проблем диалога с текстом как ключевой проблемы теории текста, отражает произошедшее в конце XX века расширение лингвистического анализа, его выход за рамки отдельного текста. Данное развитие научных представлений о тексте связывается В.Е. Чернявской [8, с. 15], с «дискурсивным сознанием» и «метатекстовым знанием» как характеристиками современной эпохи. Аналогичные взгляды на введенные М.М. Бахтиным понятия диалога, двуголосости, диалогичности, а также на роль работ выдающегося ученого в современном движении филологического исследовательского интереса от текста к дискурсу представлены в работе британского стилиста Роба Поупа [13]. Как утверждает автор: “Bakhtin concentrated on the novel; but, arguably, the principles can be extended to all forms of ‘intertextuality’ in poems and plays as well, in fact in any language use where existing usages are brought to bear on and in immediate situations. Ultimately this means that virtually all language use enacts a creative tension between ‘another’s words’ and ‘one’s own language’. The words we speak, write or otherwise record are never wholly our own. And yet, crucially, in the moment of use they are turned towards our own ends, whether these ends are overt or covert, conscious or unconscious” [13, p. 187].

Исследование текста в коммуникации, постижение когнитивно-коммуникативных оснований современной парадигмы текста, осмысление текста в системе дискурса подтверждает актуальность понятий «диалог», «диалогизация», «диалогичность», «полифония», рассматриваемых в содержательных филологических работах М.М. Бахтина [2; 3; 4; 5], и находящихся в основе современного коммуникативного подхода к тексту. Изучение понятия внутренней диалогичности литературно-художественного текста в контексте современного филологического знания, безусловно, связано с исследованием различных аспектов смыслового развертывания текста в условиях его создания и восприятия. Данные аспекты исследования текста ассоциируются с объектами современной филологии, для которой характерен синтез как внутрилингвистических, так и междисциплинарных тенденций в изучении функционирования языка и речи.

Согласно положениям современной филологии, литературно-художественный текст вступает в диалогическое взаимодействие с другими элементами культурной среды, включается в ассоциативные ряды, развивая и продолжая глобальный социальный диалог эпох, культур, цивилизаций. В соответствии с современными представлениями о тексте, текстовая категория интертекстуальности отражает один из общих и существенных признаков текста – его диалогическую соотнесенность с другими текстами. Благодаря интертекстуальным связям текст одновременно выступает как «конденсатор культурной памяти» и как «генератор новых смыслов», которые возникают в результате преобразования цитат, диалога с литературной традицией, новых комбинаций, уже известных в истории культуры элементов.

Анализ проведенного нами исследования диалогичности как одного из основных качеств текста современного англоязычного романа на основе комплексного, филологического анализа ряда произведений данного жанра подтвердил потенциал данного свойства текста в приращении смыслов в условиях его порождения и восприятия. Исходной точкой в нашем изучении диалогичности как свойства текста современного англоязычного романа послужили положения концепции диалогичности М.М. Бахтина. Применение положений данной концепции, рассматриваемых в контексте современной филологии, позволило провести исследование взаимодействия цитирующего текста и различных интертекстуальных включений. Анализ материала показал, что глубокое понимание и тщательное прочтение современного художественного англоязычного текста, принадлежащего романному жанру, определяется наличием у его реципиента фоновых знаний, одним из составляющих пресуппозиций. При изучении различных аспектов диалогичности как свойства текста англоязычного романа нами использовался целый комплекс общепилологических и частных методов (композиционный метод, контекстологический анализ, интертекстуальный анализ, сопоставительно-стилистический метод, дефиниционный анализ, а также методы анализа стилистики романа, принятые в концепции диалогичности М.М.Бахтина).

Проведенный анализ средств выражения категории интертекстуальности в ряде англоязычных романов, принадлежащих перу Дж.Джойса (J. Joyce), Эдны О'Брайен (E. O'Brien), Питера Акройда (Peter Ackroyd), П. Маккейба (P. McCabe), И.Макьюэна (Ian McEwan), К. Тоибина (C. Tóibín), Мартина Эмиса (Martin Amis), Дж. Барнса (J. Barnes) подтвердил их внутреннюю диалогичность (наличие признаков диалога, учет адресата в языковых особенностях текстов; направленность текстов на культурологический тезаурус адресата). Для проанализированных нами текстов англоязычных романов характерны возрастание диалога внутри культуры, преемственность литературной традиции, использование кодовой и синкретической интертекстуальности. Обращение к средствам выражения текстовых категорий интертекстуальности и диалогичности позволяет авторам словесно-художественных произведений выявлять своеобразие картины мира описываемого англоязычного социума и отдельной личности, привлекать внимание читателей к многочисленным социальным, культурным и политическим проблемам современного общества. Различные средства выражения текстовой категории интертекстуальности отражают один из общих и существенных признаков современного англоязычного текста – его диалогическую соотнесенность с другими текстами.

Развивая положение М.М. Бахтина о различных формах включения текстов в тексты, Ю.М.Лотман [7] выделяет такое текстовое построение, при котором один текст дается как непрерывное повествование, а другие вводятся в него в нарочито фрагментарном виде (цитаты, отсылки, эпиграфы). Ю.М. Лотман отмечает, что введенные в текст фрагменты других текстов могут

читаться и как однородные с окружающим текстом, и как разнородные с ним. Введение фрагментов иных текстов предполагает, что «читатель развернет зерна других структурных конструкций в тексты» [7, с. 11]. Анализ материала исследования подтвердил, что различные интертекстуальные включения в тексте современного англоязычного романа могут весьма разнообразно переосмысляться, трансформироваться в цитирующем тексте, сокращаться и приводиться фрагментарно. Язык современного англоязычного полифонического романа представляет собой своеобразную, художественную систему языков, согласно автору концепции диалогизма, «не лежащих в одной плоскости и сочетающихся в стилистическое единство». Подчеркнем, что в стратегии организации контекстов современных англоязычных романов важное место занимает форма включения чужого слова, «чужого голоса», обеспечивающая его заметность, возможность опознания источника, мысленного сопоставления исходного и принимающего контекста и понимание того нового смысла, который при этом возникает. Роман ирландского писателя-модерниста Дж. Джойса «Улисс» («Ulysses») основан на диалоге между двумя далеко отстоящими одна от другой во времени и в пространстве культурами: древнегреческой и английской. Известно, что роман Дж. Джойса «Улисс» интерпретируется как аллегория, в символической форме передающая странствия людей в современном мире. Текст романа насыщен цитатами, включает другой голос уже в своем названии, поскольку каждый эпизод и герой в тексте романа имеют свой аналог в «Одиссее» (Odyssey) Гомера (Homer). Наряду с мелкими включениями (цитатами и аллюзиями), ирландский англоязычный роман «Улисс» аллюзивен и как целое, поскольку повторяет композицию, характеры и ситуации гомеровского эпоса. Каждый из введенных в текст романа голосов создает собственный круг ассоциаций, а каждый эпизод пародийно ассоциируется с эпизодами Одиссеи. Подчеркнем, что стилистический потенциал интертекстуальных включений в создании пародии обусловлен их онтологическими свойствами – одновременной принадлежностью двум контекстам – исходного и «чужого» текста, типичной и новой ситуации употребления, установкой на сопоставление и противопоставление. Данные свойства включений обуславливают возможность их иронического переосмысления в новом контексте и являются эффективным средством воплощения иронического смысла.

Роман Дж. Джойса «Улисс» характеризуется авторским использованием многоязычия или «кодовой интертекстуальности» [1, с. 439] в виде включений слов и фраз на других языках. В речь персонажей романа, их внутренние монологи автором постоянно включаются известные цитаты, крылатые слова на английском, латинском, итальянском, французском языках, выполняющие, в том числе, характерологическую функцию. Интертекстуальные включения в речи персонажей романа свидетельствуют об уровне их интеллекта, мировоззрения и образованности. Роман «Улисс» (Ulysses) Д. Джойса, согласно мнения И.В. Арнольд, «может служить энциклопедией всех видов интертекстуальности» [1].

Материал исследования подтверждает, что специфика стилистики современного англоязычного полифонического романа состоит в движении темы по языкам и речам, в ее диалогизации и выражении разноречием («чужой речью») и разноголосием предметно-смыслового мира романа. Многоголосие и разноречие в исследуемом типе романа сочетаются в стройную художественную систему, каждый элемент которой участвует в раскрытии смысла целого. Специфика романной стилистики проанализированных англоязычных текстов романного жанра предполагает включение в композицию романа "чужой речи", "чужого слова», представленного в текстах романов английских и ирландских авторов не только в виде целых цитированных текстов или их фрагментов, принадлежащих другим реальным субъектам речи, но и в виде языковых (стилевых) цитаций. Выявлено, что введенные в текст романов вторичные, сложные жанры обычно сохраняют свою композиционную самостоятельность, языковое и стилистическое своеобразие. Установлены различные формы включений «чужого слова», «чужого голоса» в стратегии организации контекстов (цитатные заглавия, использование интекстов в сильных позициях романов, трансформированные цитаты, сопоставление контекстов, жанровые различия, кодовая интертекстуальность, синкретическая интертекстуальность).

Одна из особенностей художественного текста состоит в том, что он связан с широким (глобальным) контекстом, сопровождающим языковую коммуникацию, и вступает во взаимодействие не только со словесными текстами, но и с текстами других знаковых систем, моделирующих реальный мир (синкретическая интертекстуальность). Текст в тексте может отражать разные сферы искусства, словесно передавать содержание и форму произведений живописи, музыки, архитектуры. Диалогическая соотнесенность текста современного англоязычного романа со всеми текстами, созданными культурой, отражается в использовании цитат и аллюзий, подключающих к передаче смысла другие семиотические системы. Примером выявленной нами в материале исследования синкретической интертекстуальности является цитирование отрывка из текста арии из оперы «The Bohemian Girl», написанной М. Балфом [Balfe], знаменитым ирландским композитором XIX века, в романе К. Тоибина (C. Tóibín) "The Heather Blazing". Отметим, что Дж. Джойс в коротком рассказе "Clay" из сборника "The Dubliners", современный ирландский автор П. Маккейб в романе "The Butcher Boy" также использовали текст настоящей арии в своих произведениях, что подтверждает важность данного музыкального текста для ирландской национальной культуры.

Синкретическая интертекстуальность характерна также для романа П. Маккейба "The Butcher-Boy" («Мальчик-мясник»). Наиболее многочисленными в романе помимо цитирования поэтических текстов являются интертекстуальные включения из англо-ирландского фольклора, ирландских песенных текстов. Таким образом, подчеркнем, что аспектами интертекстуальной актуализации в тексте современного англоязычного романа могут быть не только произведения словесного творчества, но и тексты других семиотических систем (живопись, скульптура, музыка), апелляция к которым в

литературно-художественном тексте осуществляется посредством «перевода» в словесную оболочку концептов, хранящихся в другой форме (графической, визуальной и др.). В данном случае тексты других семиотических систем, моделирующих мир, подключаются к передаче смысла литературно-художественного текста.

Исследование средств репрезентации внутренней диалогичности в произведениях, принадлежащих различным национальным литературам и культурам, в рамках современного филологического анализа может стать перспективным не только для решения фундаментальных вопросов межтекстового взаимодействия. Подобное исследование, на наш взгляд, актуально для рассмотрения специфики современной интерпретации художественного текста, рассматриваемого как форма коммуникации, как феномен культуры, как фактор текстообразующей деятельности в ее широком понимании, с выходом на уровень целого текста и с ориентацией не только на его локальную, но и глобальную смысловую интерпретацию.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб, 2016. 448 с.
2. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. 502 с.
3. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского: 4-е издание. М., 1979. 318 с.
4. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества: 2-е издание. М., 1986. 445 с.
5. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа // Русская словесность: Антология. М., 1997. С. 227-249.
6. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М., 2009. 384 с.
7. Лотман Ю.М. Текст в тексте //Ученые записки Тартуского университета. 1981. №567.
8. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие. М., 2015. 208 с.
9. Чувакин А.А. Филология и коммуникативные науки: учебное пособие. М., 2015. 496 с.
10. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М., 2016. 570 с.
11. Burke M. Distant Voices: The Vitality of Yeats' Dialogic Verse // Contemporary Stylistics / edited by M. Lambrou and P. Stockwell. London, 2010. pp. 85 – 102.
12. Danow D.K. Dialogic Perspective: east European View (Bakhtin, Mukarzhovsky, Lotman) // Russian Literature. Amsterdam, 1986, Vol. 20, №2, pp. 119-142.
13. Pope R. Textual Intervention: Critical and Creative Strategies for Literary Studies. London, 2001. 214 p.
14. Simpson P. On the Discourse of Satire: Towards a stylistic model of satirical humour. Amsterdam. Philadelphia, 2003. 242 p.

УДК 821.161.1, 82-65, 82-155

**ПИСЬМА А.П. СУМАРОКОВА Г.А. ПОТЁМКИНУ
В КОНТЕКСТЕ «ПИСЬМА ЦАРЮ»**

Суровцева Екатерина Владимировна

к.ф.н., с.н.с.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аннотация: В статье указывается на необходимость изучения эпистолярного жанра «письма царю» на материале русской литературы XVIII века, отмечается важность этого жанра в творчестве А.П. Сумарокова и перечисляются его высокопоставленные адресанты, подробно анализируются четыре письма литератора Г.А. Потёмкину в контексте писем-просьб.

Ключевые слова: А.П. Сумароков, письмо, эпистолярный жанр, «письмо царю», жанр, XVIII век, литература и власть, Г.А. Потёмкин.

**LETTERS BY A.P.SUMAROKOV TO G.A.POTEMKIN
IN CONTEXT OF «LETTERS TO TSAR»**

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna

Abstract: The article points to need to study of epistolary genre of «Letters to Tsar» on material of Russian literature of XVIII century, the importance of this genre in the works by A.P. Sumarokov and lists its high-ranking addressees, four letters by writer to G.A. Potemkin in context of letters-request are analyzed in details.

Keywords: A.P. Sumarokov, writing, epistolary genre, «Letter to Tsar», genre, XVIII century, literature and power, G.A. Potemkin.

Предмет нашего исследования – особый эпистолярный жанр «письма властителю», представленный двумя инвариантами – «письмом царю» и «письмом вождю». Кроме того, данный жанр включает в себя целый ряд подразновидностей: письмо-жалоба/просьба/оправдание, письмо-декларация, письмо-дифирамб/благодарность/творческий отчёт, письмо-инвектива, письмо-памфлет, письмо-донос (краткое обоснование темы и обзор проанализированного нами материала, относящегося к XIX – XX векам, см. в [1]).

Дальнейший этап нашей работы – изучение функционирования «письма царю» в XVIII веке [2].

Множество писем данного жанра принадлежит перу А.П. Сумарокова – из 119 известных нам писем во властные структуры направлены 77 [3]. В число высокопоставленных адресантов входят императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II; сановники Г.Г. и В.Г. Орловы, И.И. Шувалов, Г.А. Потёмкин, К.Г. Разумовский, Н.И. Панин, С.С. Козьмин; а также официальные инстанции – Главная полицеймейстерская канцелярия, Канцелярия Академии наук и

Комиссия Академии наук, Каширская воеводская канцелярия, Правительствующий Сенат. Даже при самом кратком обзоре материала становится понятно, почему письма Сумарокова не анализируются в контексте дружеских писем XVIII века [4] (но, разумеется, вписаны в общий литературный контекст эпохи [5]) – этого литератора можно по праву считать мастером «письма царю», а не дружеского письма.

В настоящий момент мы предпринимаем попытку комплексного анализа посланий А.П. Сумарокова царским сановникам. Письма Г.Г. и В.Г. Орловым, К.Г. Разумовскому, С.М. Козьмину и Н.И. Панину уже проанализированы нами в отдельных статьях [6; 7]; 21 письмо И.И. Шувалову будет рассмотрено в дальнейшем – с опорой на наработки Я.К. Грота [8]. В данной статье мы ставим себе целью проанализировать письма Сумарокова Григорию Александровичу Потёмкину.

В письме Потёмкину от 22 ноября 1774 г. [3, с. 168; 9, с. 26] литератор сетует на бедность, просит утешить его перед днём восшествия императрицы (это ошибка писателя: 24 ноября – день тезоименитства Екатерины) и, «доложив, подписать посланное». Видимо, речь идёт о просьбе выдать жалование за год вперёд (эта просьба уже неоднократно звучала в письмах Сумарокова властям).

В следующем письме от 13 декабря 1774 г. [3, с. 172; 9, с. 26] содержится просьба подписать и сообщить, что жалование на год вперёд непременно будет выдано 1 мая, ибо купец обещает Сумарокову дать денег под будущее жалование. Вновь литератор сетует на бедность – нужда доходит до того, что Александр Петрович проводит «многие дни почти без пищи».

Письмо от 8 июня 1775 г. [3, с. 174; 10, с. 91 – 92; 11, вклейка между с. 584 и 585] – вновь просьба о жаловании. Недавно Сумароков утруждал Потёмкина просьбой исходатайствовать для него годовое жалование, которое он получает 1 мая уже шесть лет ежегодно, но теперь деньги литератору нужнее обычного. Александр Петрович перечисляет все свои злоключения – он совсем издержался по приезде в Петербург, его дом без него разорился, в деревне «всё погорело» – конный завод и хлеб совершенно. Сумарокову почти нечего есть, но больше всего его страшит бедность его детей, поэтому литератор вынужден распродавать имущество – книги («с четырёхста волумин и с полтора ста участных сочинений»), миниатюрный портрет – подарок И.И. Шувалова, портрет Елизаветы Петровны («с которого в России ... почти все копии ...»). Сумароков даже предлагает адресату «приказать осмотреть» продаваемые вещи – так, книги могут быть «достойны ... библиотеки» Потёмкина. Причина такого бедственного положения – «любление ... ко стихотворству», радение «не столько о чинах и об имении ..., как о своей музе». Сумароков ждёт ответа и – прежде всего – жалования, будучи уже три месяца больным и терзаемым бедностью и «злыми обстоятельствами».

Послание от 10 июля 1775 г. [3, с. 174 – 175; 12, с. 223 – 224; 13, с. 170; 14, с. 144] – жалоба на то, что у Сумарокова «дом отъёмлется» – дом, оцененный в 900 рублей, но реально стоивший литератору более 16 000 рублей

«кроме мебели». П.А. Демидов же, которому Сумароков должен только 2 000, «требуя ныне процентов и рекамбий», сердясь на литератора за плута-посредника, которого сам же Демидов прогнал. Сумароков взывает к человеколюбию Потёмкина, прося его «воздействовать» на Демидова, дабы тот не требовал с литератора свыше данной ему суммы и вычел долг из годового жалования. У писателя, кроме этого дома, ничего нет. Он и так внёс в Магистрат вещей более чем на 3 000 рублей. Сумароков обещает Потёмкину «вместо процентов и рекамбий» сочинить новую трагедию «без рифм», как адресат «изволил приказывать» – во время личных бесед. Литератор ждёт решения по своему письму – «или спасения..., или отчаяния» – либо в открытом письме самому Сумарокову, либо в записке Демидову. Отметим, что 24 сентября 1774 г. Сумароков отдал одновременно в Академическую типографию «Оду Григорию Александровичу Потёмкину», написанной белым стихом, и «Уведомление» с рассуждениями о рифме и о возможности трагедии, написанной белым стихом, на русском языке и со ссылками на беседы с Потёмкиным: «Обещал я по требованию некоторого знатного господина и искусного в российском языке и во словесных науках человека сочинить трагедию без рифм» [15, с. 552 – 553].

Письмо Сумарокова Потёмкину от 28 сентября 1775 г. [3, с. 175 – 177] содержит просьбу помочь ему, литератору, в конфликте с московским губернатором князем Петром Васильевичем Урусовым.

Предыстория этого конфликта такова. В конце 1772 г. театральная привилегия была выкуплена у наследников Дж. Бельмонти Мельхиором Гроти и Урусовым. Гроти появился в Москве в 1772 г., к началу 1776 г. согласился уступить свою долю в деле Урусову и исчез из Москвы, наделав долгов и разбазарив театральные гардеробы. 17 марта 1776 г. Урусов выхлопотал новую привилегию, вступившую в силу с 16 июля 1776 г., и, объединившись с М. Маддоксом, приступил к постройке каменного Петровского театра.

Возмущение Сумарокова вызвал тот факт, что Урусов взял «Дмитрия Самозванца» из придворного театра и отдал в публичный театр, отнял у автора пьесы полагающуюся ему долю, пообещав семейному Сумарокову только один билет и вынудив его попасть на представление за шесть рублей, что при стеснённом материальном положении литератора очень накладно, тем более что сборы за представления идут Урусову, а не Сумарокову. Всё это – нарушение бывших договорённостей – к 29 марта 1771 г. относится контракт Бельмонти о «Дмитрии Самозванце», где он обязуется без дозволения Сумарокова трагедию не ставить и все сборы отдавать автору.

Сумароков пишет, что «Российские театры заведены мною; привилегии тоже», что во времена Гомера и Вергилия не было печатания (печатные и рукописные книги – «равной важности»), а трагедий Софокла и Еврипида невозможно было играть ни без их воли, ни без их присутствия. И в России ничьи пьесы, кроме сумароковских, без договора не ставят. Литератор сообщает, что он писал самой императрице, что «Дмитрий Самозванец» будет играть только в придворном театре – а теперь «моя трагедия “Димитрий

Самозванец” при всенародном восклицании, к моей похвале, к моему озлоблению и к умерщвлению меня представлена будет. Так сие восклицание мне злее, нежели бы я лишен был ордена, чинов и дворянства». В письме прямо формулируется, что «Князь Урусов вместо должности московского прокурора не ту исправляет. А прокурорская должность, как вашему сиятельству известно, и без клопсов и театра разума и просвещения требует; и должно бы ему клопсы отставить, хотя бы он не свой разум, но ваш или мой имел», ибо пьесы его «сочинены для двора, для славы моей, а не для князя Урусова и бесславия моего» и могут ставиться в «партикулярных театрах», а не в публичных. Сумароков просит показать это письмо императрице и отворотить несчастье. Вместо «Димитрия» можно поставить другую трагедию – из уже поставленных. В письме есть также упоминание рецензии в «Journal étranger», где говорится, что Россия должна быть благодарна Сумарокову за его пьесы. Кроме того, литератор указывает, что актриса Елизавета Иванова так подготовлена Сумароковым, что из московского театра, где она в 1760-е гг. считалась первой актрисой, перешла на придворную сцену в Петербург и «непостыдно перед очами монархини себя представить может».

Из-за этого конфликта с Урусовым литератор должен оставить «трагедию без рифм», которая задумана «по совету и приказу» самого Потёмкина.

Следующее письмо – точнее, записка – Потёмкину относится к 6 октября 1775 г. [3, с. 177; 16, с. 43]. В нём Сумароков жалуется на наглость Урусова, усилившую ипохондрию, и на то, что Урусов, сверх всего произошедшего, выкупив сумароковскую привилегию, отнял у него ложу и отказался впускать его на представления бесплатно даже в партер – однако и авторы, и основатели театров, и актёры в иных государствах «имеют безденежный вход». Литератор просит «оборонить» его от Урусова и готов, если необходимо, подать формальную челобитную. Отметим, что в самом начале записки Сумароков пишет о том, что «сие письмо» отправлено Потёмкину утром в день представления «Димитрия», однако посыльному не удалось его вручить – тут имеется в виду предыдущее письмо.

В письме от 11 ноября 1775 г. [3, с. 177 – 179; 12, с. 224 – 225; 13, с. 171 – 173; 14, с. 145 – 148] вновь речь идёт о денежных затруднениях, точнее, о том, что Демидов, уже предъявивший Сумарокову векселя (об этом речь шла в письме от 11 июля 1775 г.), снова требует уплаты долга с процентами. Объясняются объективные причины, по которым долг не может быть уплачен своевременно (Демидов более года был в Голландии, потом в Москве был мор – тоже более года, потом Сумароков полгода болел). У Сумарокова есть свидетельство, что Демидов с него процентов не берёт, к тому же его обнадёжил В.И. Баженов своим сообщением, что Демидов векселя не переписал (чуть позже, в 1780 г., сам Баженов стал жертвой такого же самодурства своего заимодавца, когда тот уверил, что выданный им вексель – беспроцентный, а затем подал его к взысканию со всеми процентами и рекамбио [17, с. 150 – 152]).

Сумароков повторяет мысль письма от 11 июля 1775 г. о том, что Демидова смутил его поверенный, которого он сам же потом и выгнал. От Магистрата отписали дом (его оценили чуть более чем в 900 рублей) и деревни Сумарокова; канцеляристу поручили осмотреть и учесть все книги – хотя литератора очень задевает и оскорбляет то, что ни Магистрат, ни канцелярист не видят разницы между одой, эклогой и элегией. Далее речь вновь идёт о заложении ценных вещей – табакерки, пожалованной Сумарокову императрицей; табакерки, подаренной ему А.Г. Разумовским; «часы Элекотовы серебряные» – а ведь дом обошёлся литератору в 16 000 рублей (кроме мебели) и стоимость заложенных вещей не покрывает этой суммы. Внесённые в Магистрат книги и эстампы также оценили на небольшую сумму, при этом в Магистрате постановили вещи владельцу возвратить (их никто покупать не хочет), а дом продать.

Сумароков доказывает, что выгонять человека, пусть даже и не обладающего особыми заслугами, на улицу зимой с домочадцами недолично, что по-православному не позволено «замёрзнуть на улице» человеку из именитой семьи, имеющему орден и чин и прославившего своё имя «к чести своего Отечества во всей Европе». Разбойники грабят – но не всегда убивают, а Магистрат должен быть более человеколюбивым, чем разбойники. Разоряющие Сумарокова судьи – рабы Отечества, а сам он – сын Отечества, так как он дворянин, имеет чин и орден и «трудился довольно в красноречии российского языка». Драмы Сумарокова играют, наживаются на представлениях содержатели театров, а не автор драм, которому в нарушение всех прежних контрактов отказано и в собственной ложе, и в билетах.

Сумароков уповает на то, что, если это письмо дойдёт до императрицы, она не позволит ему пропасть. Все свои претензии Сумароков изложил в пронумерованном списке, в конце которого под заголовком «Примечание» кратко формулируются просьбы литератора – заступиться за него перед Демидовым, чтобы тот не требовал с него лишних денег, и перед Магистратом, чтобы тот не выгонял его из дома, а также рассудить по справедливости его тяжбу с Урусовым – драмы напечатаны, однако они должны ставиться на сцене. «А я театры основал не ради огорчения себе, но ради прославления моего времени и моего имени».

Объявление о продаже дома Сумарокова с аукциона за долги было несколько раз опубликовано в «Московских ведомостях» (1777, №№ 74 – 75 за 15, 19, 28 сентября). Дом купил сам Демидов и вскоре перепродал генералу П.М. Олсуфьеву [18, с. 157]. Литератор пережил продажу своего жилища только на два дня, скончавшись 1 октября 1777 г.

Последнее письмо Сумарокова Потёмкину относится к 28 августа 1777 г. [3, с. 181]. Это совсем краткий текст, в котором сообщается, что литератор посылает Потёмкину копию своего письма императрице и просит также помощи и Григория Александровича. Письмо императрице необходимо, чтобы стало известно «о дерзости непотребной моей дочери» и о невиновности Сумарокова.

Упомянутое письмо Екатерине II нам неизвестно, однако можно говорить о том, что и оно, и данная записка Потёмкину связаны с протестом родных литератора против третьей женитьбы Сумарокова. В июне – июле его матушка даже подала в Московскую консисторию прошение о запрещении этого брака [19, с. 373]. Однако брак всё же состоялся – в третий раз Сумароков венчался с Екатериной Григорьевной, племянницей его второй супруги.

Таким образом, из восьми писем-просьб Сумарокова Г.А. Потёмкину пять касаются материальных затруднений литература, два – конфликта с московским губернатором П.В. Урусовым по поводу постановки трагедии «Димитрий Самозванец» и одно – обстоятельств личной жизни литератора, когда возникли затруднения с заключением третьего брака.

Список литературы

1. Суровцева Е.В. «Письмо властителю» в русской литературе XIX – XX веков и его жанровые модификации // Жанрово-стилевые искания в художественной литературе [Электронный ресурс]: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Астрахань, 25 апреля 2019 г.) / Сост.: Г.Г.Исаев, А.А.Боровская, Л.В.Спесивцева, Т.Ю.Громова; под ред. Е.Е.Завьяловой. Электронные текстовые, графические данные (516 КБ). – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): 12 см. Заглавие с экрана. Диск помещён в контейнер 20×14 см. – С. 13 – 18.
2. Суровцева Е.В. «Письмо царю» в XVIII веке: Постановка проблемы // Фундаментальная и прикладная наука: Состояние и тенденции развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции (8 сентября 2019 г.). – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2019. – С. 37 – 40.
3. Письма русских писателей XVIII века / Публикация В.П.Степанова. – Л.: Наука, 1980. – 473 с.
4. Лазарчук Р.М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Л.: Ленинградский ордена трудового красного знамени государственный педагогический институт имени А.И.Герцена, 1972. – 19 с.
5. Макогоненко Г.П. Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века / Публикация В.П.Степанова. – Л.: Наука, 1980. – С. 3 – 41.
6. Суровцева Е.В. Письма А.П.Сумарокова братьям Г.Г. и В.Г.Орловым в контексте «писем царю» // Фундаментальная и прикладная наука: Состояние и тенденции развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции (8 сентября 2019 г.). –Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2019. – С. 17 – 20.
7. Суровцева Е.В. Письма А.П.Сумарокова высокопоставленным особам (К.Г.Разумовскому, С.М.Козьмину, Н.И.Панину) в контексте жанра «письма царю» // Фундаментальные основы инновационного развития науки и

образования: Сборник статей V Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2019. – С. 26 – 28.

8. Грот Я.К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И.И.Шувалову. Материалы для истории русского образования. – В издании: Записки императорской Академии наук. Том 1. Приложение № 1. – СПб. Академия наук, 1862. – 52 с.

9. Русский архив. – 1879. – № 9.

10. Русский вестник. – 1842. – № 5 – 6.

11. Полевой П.Н. История русской словесности. – Том 1. – СПб.: Издательство А.Ф.Маркса, 1900. – 650 с.

12. Литературная газета. – 1830. – Том 1. – № 28. – 16 апреля.

13. Вяземский П.А. – Полное собрание сочинений. – Том 2. – СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1879.

14. Москвитянин. – 1842. – № 1.

15. Сумароков А.П. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1957. – 607 с.

16. Москвитянин. – 1841. – № 1.

17. Снегирёв В.З. Зодчий Баженов. – М.: Московский рабочий, 1962. – 228 с.

18. Марков В.Д. Историко-театральная топография Москвы. – Театр. – 1953. – № 12.

19. Берков П.Н. Несколько справок к биографии Сумарокова // XVIII век. – Сборник 5. Отв. Ред. П.Н.Берков. – М.-Л.: Наука, 1962. – С. 364 – 375.

© Е.В.Суровцева, 2019

СЕКЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.99

**ОСТРАКИЗМ И РОДСТВЕННЫЕ ФЕНОМЕНЫ:
ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Бойкина Екатерина Эдуардовна
ФГБОУ ВО "Московский государственный
психолого-педагогический университет"

Аннотация: Статья знакомит читателя с основными направлениями в зарубежных исследованиях остракизма и такого родственного феномена, как отвержение. В ситуации остракизма у индивида может быть нарушена одна или несколько фундаментальных потребностей: в контроле, самоуважении, принадлежности и осмысленном существовании, что вызывает боль и дистресс. Остракизм может вызвать крайне радикальные поведенческие реакции у индивида (массовое убийство невинных людей, обращение к религиозному культу или экстремизму и др.). Хотя наиболее прогнозируемой реакцией на остракизм и родственные феномены являются злость и агрессия, в последние годы все больше исследований говорит о том, что в качестве реакции возможны и просоциальные реакции (рост эмоционального интеллекта, усиление социальной сензитивности, демонстрация социальной мимикрии с целью усиления аффилиации и установления раппорта).

Ключевые слова: социальное исключение, остракизм, отвержение, радикализация, замещенная агрессия, просоциальное/антисоциальное реагирование, Кибербол.

**OSTRACISM AND RELATED PHENOMENA:
REVIEW OF FOREIGN STUDIES**

Boykina E.E.

Abstract: The article gives a review on key directions of ostracism and social shunning in foreign studies. In the context of ostracism the satisfaction of one or few fundamental individual needs may be limited: needs of control, self-respect, affiliation and meaningful existence - causing pain and distress. Ostracism can cause extremely radical behavioral reactions of an individual (mass murder of innocent people, conversion to a religious cult or extremism, etc.). Although anger and aggression are the most predicted reaction to ostracism and related phenomena in recent years more and more studies have shown that prosocial reactions are possible as a response, i.e. increased emotional intelligence, increased social sensitivity,

demonstration of social mimicry in order to enhance affiliation and establishment of rapport.

Keywords: social shunning, ostracism, rejection, radicalization, substituted aggression, prosocial response, antisocial response, Cyberball.

Из истории остракизма

Слово «остракизм» знакомо человечеству еще с античных времен, когда архонтом Клисфеном, проводившим ряд демократических перемен в Древней Греции, был принят закон об остракизме (506—505 гг. до н. э.). Закон давал право гражданам путем тайного голосования на глиняных черепках (др.-греч. от ὄστρακον — «черепок, скорлупа») определить человека, которого народ изгонял из своего общества на 10 лет. Однако, несмотря на кажущуюся жестокость данной меры, по факту «... остракизм был принят политической системой государства как способ защиты демократии. Охраняя таким образом институт демократии, он стоял на защите свободы слова, прав на активное заявление различных точек зрения и на участие в политической жизни своего государства». [8, с. 633]

Разумеется, остракизм как акт исключения и/или игнорирования имел место задолго до этих исторических событий, поскольку распространен повсеместно: у развитых и только развивающихся наций, в правительственных, религиозных, военных, пенитенциарных и образовательных институтах, среди всех возрастных категорий людей. Более того, остракизм свойственен не только человеческим сообществам, он также наблюдается и у большинства социальных видов животных (например, у приматов, львов, волков, буйволов, пчел). Все это свидетельствует о том, что остракизм весьма распространен и силен, зачастую он необходим для выживания [22].

Интерес психологии к изучению остракизма и такого родственного феномена, как отвержение, берет свое начало в XX веке. Так, еще в 1951 г. С. Шехтер в своем исследовании изменения мнения в групповой дискуссии обнаружил, что «... те, кто выразили несогласие с группой и не делают коммуникативных попыток соответствовать групповому мнению, сталкиваются с исключением из группы» [22, с. 428]. Однако отправной точкой, положившей начало целой серии эмпирических исследований в области игнорирования и исключения, стала вышедшая в 1995 г. в свет работа Р.Ф. Баумайстера и М.Р. Лири «Потребность в принадлежности: Стремление к межличностным привязанностям как фундаментальная мотивация человека» [1]. К концу 90-х гг. возникает целый ряд научных лабораторий, изучающих отвержение (Лири), остракизм (Вильямс), исключение (Баумайстер) [23]. Объединив накопленный опыт эмпирического знания в данном сегменте, в 1997 г. К.Д. Вильямс представляет научному сообществу свою «модель остракизма на основе нарушенных потребностей и с учетом длительности воздействия» [22; 23]. Именно на модель остракизма Вильямса опираются в своих работах последующие исследователи игнорирования и исключения [5; 10; 11; 12; 21].

С годами интерес к изучению данной тематики неуклонно растет. Статистика научных исследований свидетельствует о высоком интересе к изучению данных психологических феноменов на протяжении 30 последних лет: среднестатистическое количество работ ежегодно составляет 630 исследований в год [14].

Актуальность изучения остракизма опосредована запросом общества. Так, по итогам работы Комиссии «Международного общества по изучению агрессии» на второе место (из семи) среди «факторов риска окружающей среды, провоцирующих молодежь к насилию», эксперты поставили фактор «социальное исключение и изоляция», «пропустив» вперед лишь фактор «легкий доступ к оружию» [17, с. 333].

Остракизм, способный вызвать у индивида непредсказуемые реакции, породил у автора статьи ряд вопросов: почему он обладает такой силой воздействия? Каков механизм действия остракизма? Какие типы реакций он может вызвать? К сожалению, отечественная литература не дает нам данных о структуре, типологии, функции данного феномена. На эти, а также на ряд других вопросов мы и попытаемся дать ответ в этой статье.

Понятия «остракизм», «социальное исключение» и «отвержение»

Прежде всего, автору хотелось бы понять, ЧТО современная психология вкладывает в понятие «остракизм». Зачастую в работах и статьях, посвященных изучению воздействия остракизма, социального исключения и отвержения [2; 7; 10; 12; 16; 20], до сих пор нет полной ясности в разграничении этих понятий: описывают ли они разные феномены или фактически синонимичны. Под *остракизмом* Вильямс понимает «быть игнорированным или исключенным» [22, с. 429]. По определению Д.М. Твендж, *социальное исключение* означает «быть исключенным, в одиночестве или изолированным — иногда с явной декларацией неприязни, а иногда без нее» [там же]. Д.Дж. Хоус употребляет понятие «социальное исключение» в качестве полного синонима понятия «остракизм» [19, с. 599]. Отвержение, по мнению Лири, происходит «в виде заявления индивида или группы о том, что они (больше) не хотят взаимодействовать или находиться в обществе того или иного субъекта» [22, с. 429]. Несмотря на перечисленные выше частные особенности и продолжающиеся попытки более четко разграничить эти понятия (И. Райхерт, К. Конопка, Л.Р. Хьюсманн) [см. обзор: 15, с. 417], на сегодняшний день остракизм понимается в качестве двухфакторного феномена: как акт игнорирования и/или исключения, а отвержение, также как и травля (буллинг), рассматривается в качестве родственного остракизму феномена [15; 22; 25].

Типология остракизма

На первый взгляд создается впечатление, что остракизм как акт игнорирования и/или исключения это некое наблюдаемое, как, например, травля (буллинг), всеми участниками взаимодействия действие (объектом — остракируемым, субъектом — тем, кто подвергает кого-либо остракизму, и наблюдателями ситуации остракизма). В реальности мы порой не замечаем и потому не отдаем себе отчет в том, что подвергаем кого-то остракизму. Данный

тезис подтверждается типологией остракизма, сформулированной Вильямсом [10, с. 433].

Псевдо-остракизм: поведение субъекта ошибочно интерпретируется объектом как остракизм (например, индивид приветствует проходящего мимо человека, а последний не видит или не слышит приветствующего, при этом индивид полагает, что это намеренно).

Ролевой остракизм: остракирование предписывается нормами и ролями самой ситуации (например, игнорирование официанта, который подливает воду в бокал или убирает посуду).

Карающий остракизм: остракизм применяется с целью наказания или индикации неодобрения (например, для контроля членов группы, которые своим девиантным поведением или стигматизированным статусом представляют угрозу для коллектива или для мотивации отдельных членов группы к изменению ими их нежелательного или неприемлемого поведения). Игнорирование как дисциплинарная мера часто используется также и в педагогике. В иностранной педагогической литературе такой метод получил название «тайм-аут», обозначающий «непродолжительный период времени, в течение которого ребенок игнорируется или исключается» с целью корректировки его поведения [22, с. 440]. В этом контексте «тайм-аут» может рассматриваться как социально приемлемое использование остракизма.

Защитный остракизм: индивиды подвергают остракизму другого человека в целях защиты (например, чтобы самим не стать мишенью остракизма).

Ненамеренный остракизм: субъект не замечает объект остракизма, поскольку полагает, что объект не стоит его внимания или вообще не подозревает о его существовании (такое часто происходит при несоответствии в статусах субъекта и объекта: поп-звезда—фанат, король—подданный).

С учетом приведенной выше типологии с большой долей уверенности можно выделить некоторые основные черты остракизма: адаптивность (служит для выживания, коррекции); тотальность (объектом остракизма в тот или иной момент времени может стать любой индивид и любое количество раз); несбалансированность в восприятии (субъект может не воспринимать действие как (намеренный) остракизм, а объект может воспринимать его как остракизм).

Очертив примерный абрис феномена остракизма, можем поставить следующий вопрос: каков механизм остракизма? В какой последовательности он разворачивается.

Исследования физиологических реакций организма на остракизм

По мнению таких исследователей остракизма, как Вильямс, Задро, Зволински [22; 25], в случае остракизма у людей рефлекторно приводится в действие «система раннего обнаружения признаков того, что человек в данный конкретный момент подвергается игнорированию или исключению» [22, с. 124]. В этой связи ряд ученых проводили исследования возможных физиологических реакций организма на ситуацию игнорирования и/или исключения [см. обзор: 22, с. 433]. К примеру, в 2000 г. Л.Р. Страуд с

коллегами на основе собственного метода симуляции ситуации исключения и отвержения «Йельский интерперсональный стрессор» зафиксировали у остракируемых участников значительный рост артериального давления крови и уровня гормона кортизола [22].

Помимо нейроэндокринных реакций исследователями изучались также реакции головного мозга на ситуацию остракизма. В 2003 г. Н. Айзенбергер с коллегами провели лабораторные исследования остракизма с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии в процессе игры участников эксперимента в Кибербол1 [4]. Результаты исследования показали, что «вне зависимости от того, был ли остракизм намеренным или ненамеренным, он во всех случаях вызывал активацию участка дорсальной передней поясной коры, который является в головном мозге индикатором физической боли» [22, с. 433]. Данные эксперимента Айзенбергер позднее были подтверждены в экспериментах Э. Де Вотер с коллегами, которые изучали нейронные реакции головного мозга подростков на социальное исключение с учетом их статуса в среде своих сверстников [9].

Подобные исследования, предоставляющие данные о физиологических реакциях индивида на исключение/игнорирование/отвержение, служат лишним доказательством наличия у индивида «системы раннего обнаружения» признаков остракизма. Иными словами, феномен остракизма вызывает обязательную рефлекторную реакцию (будь то активация дорсальной передней поясной коры головного мозга или, в некоторых случаях, выброс гормона кортизола). Кроме этого, данные приведенных выше исследований дают нам понимание того, что остракизм вызывает боль.

Как мы реагируем на остракизм?

Согласно модели остракизма Вильямса (1997), существует три стадии разворачивания реакции на остракизм [16; 22; 24].

1-я стадия — *рефлекторная*. Как только индивиды обнаруживают признаки остракизма, они могут ощутить боль, почувствовать печаль, злость, у них снижается уровень удовлетворенности одной или нескольких фундаментальных психологических потребностей (в принадлежности, самоуважении², контроле, осмысленном существовании). При этом степень воздействия остракизма и родственных феноменов на индивида не только обнаруживается на уровне самоотчета, но и физически осязаема [см. например, исследования Айзенбергер: 4].

2-я стадия — *рефлексивная*. Индивиды пытаются найти смысл в том, почему они подвергнуты остракизму, стараются как-то справиться с «социальной раной». Именно на этой стадии происходит принятие решения о стратегии реагирования.

3-я стадия — *принятия*. Данная стадия наступает в том случае, если процесс остракизма принимает длительный (хронический) характер. В этом случае индивид может страдать от чувства отчуждения, впасть в депрессию, испытывать беспомощность и никчемность.

Согласно модели остракизма Вильямса, при переходе на вторую стадию остракизма, индивид «выбирает» стратегию реагирования. Поначалу исследователи предполагали наличие некоей дихотомии реакций: только просоциальных или антисоциальных. В работах последних пяти лет авторы исследований, как правило, учитывают и третий вариант поведенческих реакций. В своем исследовании Р. Вельфер и Г. Шайтхауэр говорят о просоциальных, антисоциальных реакциях и *реакции избегания* [24]. Позднее другая группа исследователей (Д. Рен, Э.Д. Вассельманн, К.Д. Вильямс) пишут: «Индивиды, подвергаемые остракизму, зачастую реагируют в русле двух паттернов поведения: антисоциальными поступками («наброситься») или просоциально («подстроиться»). Недавно мы добавили в данную модель третий вид поведенческой реакции: *уход от ситуации*» [16, с. 34]. К сожалению, данных об исследовании стратегии избегания нами обнаружено не было, и в данной статье мы рассмотрим изучение только антисоциальных и просоциальных реакций на данный феномен.

Антисоциальные реакции

В отличие от травли (буллинга), который характеризуется объективно наблюдаемыми внешними признаками, как, например, вербальная (оскорбления) и физическая (пинки, избиения) агрессия, внешние признаки остракизма индивида могут не быть явными, как для субъекта остракизма, так и для окружающих (как, например, в случае ненамеренного или ложного остракизма), но иметь при этом непропорционально высокую степень реакции индивида: проявление прямой агрессии или аутоагрессии, обращение индивида к радикализму или экстремизму. Яркими примерами такого дисбаланса между стимулом (исключение/отвержение/игнорирование) и реакцией (выбранная ответная стратегия) могут служить такие явления, как «schoolshooting» (школьная стрельба), «schoolmassacre» (школьная бойня), «Columbine» (Колумбайн3). В работе по анализу 15 случаев стрельбы в школах США, произошедших с 1995 г., Лири с коллегами обнаружили свидетельства того, что демонстративное или хроническое социальное отвержение в форме остракизма, буллинга и/или отказа в романтических отношениях было основным влияющим фактором в 12 (80%) случаях [16]. Исследования преступления Мартина Браэнта, который в 1996 г. убил 35 человек в популярном парке развлечений «Порт Артур» (Тасмания), предполагают, что он чувствовал себя одиноким и изолированным. Ф. Зоммер, В. Лейхнер и Г. Шайтхауэр проанализировали «...126 случаев "школьной стрельбы" из 13 стран, сфокусировав свое внимание на роли социальной динамики накануне нападений. В общем и целом, они обнаружили свидетельства тех или иных форм отвержения сверстниками или исключения примерно в 70% случаев» [16, с. 34].

Как предполагают современные исследования за последние 10—15 лет [10; 12; 16; 22], остракизм и другие формы социального исключения часто ведут к поведенческим изменениям, заключающимся в получении социального одобрения, и росту вероятности социального приятия и инклюзии. «Остракизм может вызвать настолько сильное желание иметь принадлежность, нравиться

кому-то одному или многим, что способность индивидов отличать добро от зла может быть нарушена так сильно, что они готовы примкнуть к любой группе, которая их примет, даже к культам или экстремистским группам» [22, с. 428]. При этом, как пишет Вильямс, исследования также поддерживают наличие связи между «быть объектом остракизма» и «наметить других в качестве объекта насилия» [22, с. 427].

Подтверждение вышесказанному мы находим и в литературном обзоре Рена и коллег: «Остракированные или маргинализованные индивиды особенно подвержены принятию норм, выполнению просьбы и подчинению приказу авторитетного лица. Такая подверженность социальному влиянию делает остракируемых индивидов вероятными целями для вербовки экстремистскими группами, такими как террористические группировки и культы» [16, с. 35]. Как пример: один из террористов, застреливший в 2015 г. в Париже 90 человек, Фуэд Мохамед-Аггад, прежде чем встать на путь радикализации был отвергнут как кандидат на службу в армии и полиции.

Более глубоко к теме изучения пусковых механизмов антисоциального реагирования на остракизм, а именно радикальных реакций индивида, обратилась в своем недавнем исследовании М. Пфундмайер. Исследователь выдвинула гипотезу о том, что «... остракизм может запускать террористические аттитюды и соответствующие поведенческие интенции» [12, с. 2]. Анализ результатов ряда экспериментов позволил сделать вывод о том, что в ситуации остракизма, в отличие от ситуации включения, индивиды позволяли себе выбор антисоциального сценария действий, в частности, нанесение материального ущерба. По результатам серии экспериментов взаимосвязь «... между остракизмом и желанием нанести ущерб собственности под эгидой террористической группы была опосредована ощущением недостатка контроля» [12, с. 10]. Подводя итоги, Пфундмайер делает акцент на том, что, хотя исследование и выявило наличие взаимосвязи между остракизмом и радикализацией, остракизм является всего лишь одним из многих факторов, иллюстрирующих сам процесс радикализации.

В ключе анализа антисоциальных реакций на остракизм целесообразно упомянуть также и об исследовании внутригрупповой враждебности в ситуации исключения/игнорирования [18]. Основной фокус исследования был направлен на изучение реакций в зависимости от статуса того, КТО подвергает индивида остракизму (члены ин-группы или аут-группы). Опираясь на положения «теории угрозы социальной идентичности» (Н.Р. Бранскомб, Н. Элемерс, Р. Спирс, Б. Досж) [цит. по: 18, с. 830], Дж. Шаафсма и К.Д. Вильямс предположили, а затем и подтвердили эмпирически, что в зависимости от принадлежности субъекта к ин- или аут-группе реакции индивида, подвергаемого остракизму, скорее всего будут разными. Исключение членами аут-группы порождает совершенно иную угрозу социальной идентичности индивида, чем исключение членом ин-группы. В рамках своей теории Бранскомб с коллегами выделили четыре вида угроз: угрозу субъективной классификации (т. е. быть классифицированным по какому-то признаку против

своей воли), угрозу самобытности (групповая самобытность или не допускается, или нарушается), угрозу ценности социальной идентичности (нарушение групповой ценности), угрозу принятия (позиция индивида в группе подрывается). Как установили Шаафсма и Вильямс, в случае остракизма со стороны члена аут-группы люди могут подумать, что стали жертвами предрассудков или расизма и, соответственно, воспримут остракизм в качестве угрозы субъективной классификации. Если индивид исключается/игнорируется членами ин-группы, то более вероятно, что это вызовет нарушение потребности в принятии. В этом случае люди могут испытать неуверенность относительно своего положения в группе [18, с. 830].

По результатам другого исследования (К.-Т. Пун, Ф. Тенг), важным фактором, влияющим на проявление или торможение агрессии в ситуации остракизма, является приверженность к соблюдению правил [13].

Вопрос детерминированности причин того или иного вида антисоциального реагирования на остракизм изучался исследователями не только с точки зрения влияния внешних стимулов, но и с точки зрения индивидуальных различий объекта. Так, в своем мета-анализе Дж. Гербер и Л. Вилерпишут о «... существовании неких индивидуальных различий, которые либо усиливают, либо снижают степень агрессивности реакции на исключение» [15, с. 418], среди которых называют: нарциссизм (Б.Дж. Бушман, Р.Ф. Баумайстер, Д.М. Твендж), восприятие собственного превосходства (Л.А. Кикпатрик и коллеги), сензитивность к отвержению (О. Айдык и коллеги) и др. [см. обзор: 15].

Одним из исследований, изучавших фактор индивидуальных различий объекта остракизма, стала работа И. Райхерт, К. Конопки и Л.Р. Хьюсманна. За основу базовой методологии исследования ученые взяли идею А. Фракжека о существовании трех паттернов «готовности к агрессии» [6]. Целью исследования стал поиск ответа на вопрос «Почему остракизм иногда вызывает более сильное, а иногда более слабое агрессивное поведение?» [15, с. 418]. Результаты исследования показали, что индивиды с высокими показателями эмоционально-импульсивной готовности к агрессии, характеризующейся высокой предрасположенностью к гневу и низким самоконтролем, демонстрируют более агрессивное поведение в ситуации остракизма по сравнению с индивидами с персонально-имманентной или привычно-когнитивной готовностью к агрессии, либо имеющими низкие показатели эмоционально-импульсивной готовности к агрессии. Данное исследование показало, что помимо того, что остракизм вызывает агрессивную реакцию по отношению к источнику остракизма, он также вызывает и замещенную агрессию — агрессию, направленную на не причастных, невинных лиц.

Просоциальные реакции

В вопросе дефиниции понятия «просоциальная реакция» мы придерживаемся формулировки, предложенной Вильямсом, который употребляет понятие «просоциальный» в «... в широком смысле этого слова, включающим не только готовность индивида помочь, но и поведение,

призванное укрепить межличностные связи» [22, с. 439]. Рассуждая далее, Вильямс делает важный акцент на то, что в попытке быть принятым социумом индивиды могут стать легкими целями для социального манипулирования [10].

Несмотря на то, что на данный момент результаты исследований обнаруживают наличие тесной связи между остракизмом и агрессией [7; 10; 16; 22], ряд исследований [2; 3; 20] показывает, что остракизм может усилить и просоциальное поведение. В ситуации остракизма индивиды зачастую реагируют более просоциально, чем индивиды в ситуации включения, а именно: они более сосредоточены на реинклюзии, например, проявляя большую заинтересованность в работе над групповыми задачами (по крайней мере, участники из числа женщин) [см. обзор: 20, с. 1].

Корень данных противоречий, по мнению ученых, возможно, кроется в том, что люди выбирают различные направления действий в зависимости от того, какие потребности они стремятся укрепить [20]. Д. Рен, Э.Д. Вессельманн и К.Д. Вильямс полагают, что реагирование в агрессивном ключе, наверное, будет предпочтительнее, когда подвергшиеся остракизму индивиды стремятся усилить свои потребности в контроле и осмысленном существовании, а если индивид желает восстановить нарушенные потребности в принадлежности и самоуважении, просоциальное поведение, вероятно, будет предпочтительным [16].

Немного под иным углом зрения взглянула на эту проблему Э.Де Боно в своем исследовании [3], выдвинувшая и затем подтвердившая гипотезу о том, что выбор индивидом антисоциальной или просоциальной реакции на ситуацию исключения и/или игнорирования зависит от того, КАК индивидом воспринимается причина его социального исключения. Следующее исследование, хоть и не изучает просоциальные реакции индивида на остракизм как таковые, но все же любопытно с той точки зрения, что рассматривает остракизм, трактуемый, как правило, в негативном поле, в качестве возможного развивающего фактора. Основная гипотеза исследования Элейн О'Ченг состоит в том, что, «... хотя исключение может наносить ущерб когнитивным формам интеллекта, оно может также и способствовать развитию социально значимых форм интеллекта, таких например, как эмоциональный интеллект» [2, с. 3].

По мнению Вильямса, представленного в его обзорной работе по остракизму, существует немало исследований, доказывающих наличие просоциальных, или, как он их называет, «улыбнись-и-подружись» реакций, на ситуацию исключения и/или игнорирования [22]. Так, индивиды после игры в Кибербол были более подвержены неосознаваемой мимикрии человеку, с которым они беседовали, особенно если этот человек являлся членом его ин-группы. При этом неосознаваемая мимикрия демонстрировалась индивидами с целью аффилиации и установления раппорта (Lakin, Chartrand, 2003, 2005). Намеренная, стратегически предпринимаемая мимикрия в виде поведения «добропорядочного гражданина» чаще демонстрировалась перед лицом угрозы потенциального отвержения или реального отвержения в условиях дилеммы неиссякаемых общественных благ (Outwerkerk и коллеги, 2005). В другом исследовании, демонстрируя «бесстрастное лицо», непроницаемое выражение лица, аутичным детям, которые обычно избегали визуального контакта и иного социально ориентированного поведения, ученые обнаружили, что даже единичный случай «бесстрастного лица» приводил к визуальному контакту и социальному вниманию у ребенка-аутиста (Nadel, 2005). Предполагается, что

для аутичных детей достаточно проявления невнимания со стороны взрослого для того, чтобы запустить, по крайней мере, хотя бы временно, триггер социализации [см. обзор: 22, с. 441—442].

Заключение

Исследования остракизма и родственных феноменов последних трех десятилетий вне всякого сомнения внесли свой значительный вклад в расширение теоретико-эмпирического знания психологии в целом. Ученые установили, что в случае остракизма у людей рефлекторно приводится в действие «система раннего обнаружения» признаков того, что индивид в данный конкретный момент подвергается игнорированию и/или исключению; он испытывает боль и ощущает угрозу фундаментальным потребностям в контроле, самоуважении, принадлежности и осмысленном существовании. Благодаря типологизации данного феномена, Вильямсом теперь мы знаем, что остракизм весьма распространен и что люди могут подвергаться исключению и/или игнорированию ежедневно. Ученые активно изучают детерминированность реакций на остракизм, причины, по которым индивид выбирает одну из стратегий реагирования: антисоциальную, просоциальную и, на сегодняшний день малоизученную, стратегию избегания [10, 22].

Как это ни парадоксально, но чем больше психология «узнает» о феномене остракизма, тем больше возникает вопросов, требующих дальнейших исследований в этом направлении. Так, за последние пять лет исследователи в своих работах обратились к неизученным ранее ракурсам остракизма: изучению этого феномена с позиции субъекта и наблюдателя (викарный остракизм) [11; 21]. В свете актуальной геополитической обстановки современного мирового сообщества все чаще остракизм изучается как один из факторов, способствующий радикализации индивида [12; 18].

Несомненной новизной в исследовании данного феномена стало бы его активное изучение в реалиях нашей страны, учитывая ее культурно-историческую формацию, поликонфессиональность и многонациональность, все большее «погружение» России в виртуальные коммуникационные сети и другие факторы. На наш взгляд, активный рост интереса в отечественной психологии к изучению процессов игнорирования и/или исключения потенциально опосредовал бы решение проблемы недостаточности отечественной методологической базы исследования данного феномена, которую мы, к сожалению, имеем на сегодняшний день.

Список литературы

1. *Baumeister R.F., Leary M.R.* The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation [Электронный ресурс] // *Psychological Bulletin*. 1995. Vol. 117. Iss. 3. P. 497—529. doi:10.1037/0033-2909.117.3.497
2. *Cheung E.O.* Simple-minded or Socially Savvy? An Examination of How Social Exclusion Influences Emotional Intelligence [Электронный ресурс] // *ProQuest Dissertations & Theses Global* (дата обращения: 02.02.2018).
3. *DeBono E.* Why am I left out? Interpretations of exclusion affect anti-social and pro-social behaviours. [Электронный ресурс] // *ProQuest Dissertations & Theses Global* (дата обращения: 02.03.2018).

4. Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion [Электронный ресурс] // Science. 2003. Vol. 302. P. 290—292. doi:10.1126/science.1089134
5. Exclude Me if You Can: Cultural Effects on the Outcomes of Social Exclusion [Электронный ресурс] / M. Pfundmair [et al.] // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2015. Vol. 46. Iss. 4. P. 579—596. doi:10.1177/0022022115571203
6. Frączek, A., Konopka, K., & Dominiak-Kochanek, M. Patterns of readiness for interpersonal aggression: cross-national study on sex difference. [Электронный ресурс] // www.researchgate.net. 2016. P. 33—50. URL: https://www.researchgate.net/publication/306120091_Patterns_of_readiness_for_interpersonal_aggression_A_cross-national_study_on_sex_difference (дата обращения: 23.04.2018).
7. If you can't join them, beat them: effects of social exclusion on aggressive behavior [Электронный ресурс] / J.M. Twenge, [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 81. № 6. P. 1058—1069. doi:10.1037//0022-3514.81.6.1058
8. Malkopoulou A. Ostracism and democratic self-defense in Athens [Электронный ресурс] // Constellations. 2017. Vol. 24. P. 623—636. doi:10.1111/1467-8675.12285
9. Neural responses to social exclusion in adolescents: Effects of peer status [Электронный ресурс] / E. de Water, [et al.] // Cortex. 2017. Vol. 92. P. 32—43, doi:10.1016/j.cortex.2017.02.018
10. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize [Электронный ресурс] / J.B. Nezlek [et al.] // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 432—451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351
11. Ostracizing for a Reason: A Novel Source Paradigm for Examining the Nature and Consequences of Motivated Ostracism [Электронный ресурс] / S.L. Gooly [et al.] // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 410—431. doi:10.1080/00224545.2015.1060933
12. Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset [Электронный ресурс] // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2018. P. 1—15. doi:10.1080/19434472.2018.1443965
13. Poon K.T., Teng F. Feeling unrestricted by rules: Ostracism promotes aggressive responses [Электронный ресурс] // Aggressive behavior. 2017. Vol. 43. P. 558—567. doi:10.1002/ab.21714
14. ProQuest Dissertations&Theses Global [Электронный ресурс] // URL: <https://ebs.mgppu.ru:5389/socialsciences/results/9E52D1B997914646PQ/1?accountid=35419#> (дата обращения: 14.04.2018).
15. Rajchert J., Konopka K., Huesmann L.R. It is more than thought that counts: the role of readiness for aggression in the relationship between ostracism and displaced aggression [Электронный ресурс] // Current Psychology. 2017. P. 417—427. doi:10.1007/s12144-016-9430-6
16. Ren D., Wesselmann E.D., Williams K.D. Hurt people hurt people: ostracism and aggression [Электронный ресурс] // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 19. P. 34—38. doi:10.1016/j.copsy.2017.03.026

17. Risk factors for youth violence: Youth violence commission, International Society For Research on Aggression (ISRA) [Электронный ресурс] / B.J. Bushman [et al.] // *Aggressive Behavior*. Vol. 44. P. 331—336. doi: 10.1002/ab.21766
18. *Schaafsma J., Williams K.D.* Exclusion, intergroup hostility, and religious fundamentalism [Электронный ресурс] // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. Vol. 48. P. 829—837. doi:10.1016/j.jesp.2012.02.015
19. The effects of peer ostracism on children`s cognitive processes [Электронный ресурс] / D.J. Hawes [et al.] // *European Journal of Developmental Psychology*. Vol. 9. Iss. 2. P. 599—613. doi: 10.1080/17405629.2011.638815
20. *Wesselmann E.D., Ren D., Williams K.D.* Motivations for responses to ostracism [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology. Cognitive Science*. 2015. Vol. 6. P. 1—5. doi: 10.3389/fpsyg.2015.00040
21. *Wesselmann E.D., Williams K.D., Hales A.H.* Vicarious ostracism [Электронный ресурс] // *Frontiers in human neuroscience*. 2013. Vol. 7. Iss. 153. P. 1—3. doi:10.3389/fnhmn.2013.00153
22. *Williams K.D.* Ostracism [Электронный ресурс] // *The Annual Review of Psychology*. 2007. Vol. 58. P. 425—452. doi:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
23. *Williams K.D., Nida S.A.* Ostracism: Consequences and Coping [Электронный ресурс] // *Current Direction in Psychological Science*. 2011. Vol. 20. Iss. 2. P. 71—75. doi: 10.1177/0963721411402480
24. *Wölfer R., Scheithauer H.* Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion [Электронный ресурс] // *Journal Social Influence*. Routledge. 2013. Vol. 8. Iss. 4. P. 217—236. doi:10.1080/15534510.2012.706233
25. *Zwolinski J.* Psychological and neuroendocrine reactivity to ostracism [Электронный ресурс] // *Aggressive behavior*. Wiley. 2012. Vol. 38. P. 108—125. doi:10.1002/ab.21411

УДК 159.9

ОСНОВНЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В СТРУКТУРЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МОТИВАЦИИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ИСПОЛНЕННОСТИ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН ТВОРЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Космос Катерина Игоревна

Научный руководитель: **Одинцова Мария Антоновна**

канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «МГППУ»

Аннотация: в статье описываются результаты исследования основных сходств и различий в структуре взаимосвязи проявлений мотивации и экзистенциальной исполненности у мужчин и женщин творческих профессий в рабочей сфере. Эти различия являются важными нюансами в работе с мужчинами и женщинами творческой направленности для поддержания их мотивации и предупреждения эмоционального выгорания.

Ключевые слова: мотивация, творческие профессии, экзистенциальная исполненность, мужчины, женщины.

THE MAIN SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN THE STRUCTURE OF THE RELATIONSHIP BETWEEN MOTIVATION AND EXISTENTIAL FULFILLMENT IN MEN AND WOMEN OF CREATIVE PROFESSIONS

Kosmos Katerina Igorevna

Odintsova Mariya Antonovna

Abstract: the article describes the results of the study of the main similarities and differences in the structure of the relationship between the manifestations of motivation and existential fulfillment in men and women of creative professions in the workplace. These differences are important nuances in working with men and women of creative orientation to maintain their motivation and prevent emotional burnout.

Keywords: motivation, creative professions, existential fulfillment, men, women.

Искусство является средством порождения и воссоздания смыслов, важным способом их преобразования и передачи. Творческая деятельность тесно связана с эмоциональной сферой человека, его наиболее глубокими переживаниями. Участвуя в творческой деятельности, автор реализует свою индивидуальность, вкладывает свои мысли и чувства. Раскрытие и познание себя, самоактуализация, выражение себя для окружающих – эти и другие формы презентации внутренней сущности человека проявляются в творчестве

наиболее ярко, делая его важнейшим компонентом развития личности, ее ценностно-смыслового и экзистенциального измерения.

Поэтому изучение творческой деятельности в ее связи с экзистенциальными аспектами бытия человека является важным направлением, позволяющим описать наиболее сложные формы человеческих переживаний, способности мыслить и осознавать своё бытие, нести ответственность за свое существование – как необходимое условие становления собой. Психологическая природа творческой деятельности в ее сущности близка понятию самоактуализации, стремление к которой, согласно А. Маслоу является высшей формой мотивации [4]. Однако, в контексте профессиональной творческой деятельности существует противоречие, заключающееся в том, что самоактуализация может выступать далеко не единственным ее мотивом, что вполне естественно.

Это противоречие порождает проблему, которая заключается в том, что в силу высокой эмоциональности лица творческих профессий наиболее остро подвержены профессиональному выгоранию. Это может провоцировать у них чувство неудовлетворенности собой и своей жизнью, ощущение пустоты и бессмысленности, то есть низкую экзистенциальную исполненность. В то же время, удовлетворенность человека своими успехами тесно связана с мотивацией, которая способствовала достижению этих успехов.

Мотивация представляет собой сложную и многоуровневую систему, которая тесно связана с ценностной и смысловой направленностью личности человека. И хотя в самом творческом процессе в контексте профессиональной деятельности могут сочетаться различные побудительные аспекты, мотивационная основа творчества лежит в созидательной, производительной личностной направленности. Этот аспект творчества имеет большое значение с точки зрения экзистенциальной исполненности, означающей переживание глубокого внутреннего соответствия, с одной стороны, своей сущности и с другой – обстоятельствам [2]. Человек как носитель творческого начала сам выбирает и творит себя, реализуя свою фундаментальную свободу.

Творчество можно описать как деятельность, направленную на создание качественно нового – новых предметов, идей, ценностей и смыслов, привнесенных автором. В экзистенциальном контексте важно понимание творчества не только как проявления креативных способностей, но и как реализацию человеком своей глубинной экзистенциальной свободы и утверждение бытия. Однако на практике в формировании мотивации лиц творческих профессий, участвует широкий спектр субъективных и объективных обстоятельств, которые не всегда способствуют приоритету созидательных мотивов.

В соответствии с данными положениями и с целью их эмпирической проверки и более подробного изучения было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие представители более 50 профессий и направлений специализации, связанных с творческой деятельностью.

Согласно теме исследования и выработанным на ее основе целям и задачам исследования, были выбраны две методики, позволяющие полноценно диагностировать максимально широкий круг проявлений и особенностей экзистенциальной исполненности и мотивации в различных сферах:

Первая методика. Шкала экзистенции Existenzskala, А. Лэнгле и К. Орглер. Апробации и адаптация на русской выборке выполнена И.Н. Майниной.

Методика предназначена для измерения экзистенциальной исполненности, в ее субъективном переживании участником исследования. Теоретической основой методики является концепция экзистенциальной исполненности, предложенная В. Франклом. Она описывает важное качество жизни, альтернативное обыденному гедонистическому пониманию счастья: эвдемоническое счастье как счастье, обретаемое через достоинство и неотделимое от персональных убеждений и установок человека [3].

Компоненты экзистенциальной исполненности – самодистанцирование, самотрансценденция, свобода, ответственность, персональность, экзистенциальность – являются тесно связанными между собой. Людям с более высоким уровнем экзистенциальной исполненности свойственно наличие в жизни целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу, представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и задачами и представлениями о ее смысле, убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. У людей с более высокими показателями самодистанцирования отмечаются более высокие значения эмоциональной насыщенности жизни. Более высокую результативность жизни и удовлетворенность самореализацией демонстрируют люди, умеющие сочувствовать, эмоционально откликаться, воспринимать глубокие внутренние отношения, ориентироваться на смысл действий и ценности [1].

В контексте темы настоящего исследования мотивация творчества рассматривается не в чистом виде, а в контексте профессиональной деятельности. Следовательно, наряду с глубинными экзистенциальными потребностями в формировании мотивации мужчин и женщин творческих профессий может участвовать самый широкий спектр материальных, экономических, социальных и культурных обстоятельств, в которых существует человек и которые участвуют в формулировке конкретных профессиональных задач и образуют общий ценностно-смысловой контекст профессиональной деятельности.

Исходя из этого, в настоящей работе применяется концепция структуры мотивации В.Э. Мильмана, однако она также не противоречит принципу связи глубинных проявлений творчества и высших мотивов развития человеческой личности. В частности, к числу развивающих мотивов Мильман относит

мотивацию творческой активности и мотивацию общественной активности, направленной на принесение общественной пользы [5].

Вторая методика. Методика измерения мотивационной структуры личности В.Э. Мильмана.

Методика предназначена для диагностики мотивационной структуры личности и основана на выделении иерархической структуры мотивации, в основе чего лежит используемое автором разделение мотивов на потребительские и производительные.

Проведенное исследование показывает, что наиболее важным компонентом экзистенциальной исполненности у мужчин и женщин творческих профессий выступает самотрансценденция – как способность переживать ценности и быть эмоционально затронутым ими. Средний уровень достигает 85 и 86 процентов (соответственно у женщины и у мужчин) от максимально возможного.

Шкала самотрансценденции отражает способность человека переживать ценности благодаря своим чувствам и эмоциональной включенности. Наблюдаемые показатели дают основания описывать участников исследования – и мужчин и женщин творческих профессий, – как людей, способных:

- переживать чувство близости, сочувствовать другим;
- в своих действиях ориентироваться на их смысл;
- осознавать и переживать ценности, быть эмоционально в них включенными;
- устанавливать глубокие внутренние отношения, чувствовать экзистенциальную значимость жизненных событий.

Именно это качество занимает центральное место в структуре проявлений экзистенциальной исполненности и ее связи с мотивацией.

Наблюдаемое в изучаемой выборке состояние показателей экзистенциальной исполненности большинства участников исследования имеет среднюю или высокую выраженность. И у мужчин, и у женщин развивающая мотивация преобладает над поддерживающей. Мотивационные профили сочетают в себе признаки прогрессивных и импульсивно-экспрессивных типов мотивации. В целом выборку участников исследования можно описать как находящуюся в благоприятном психологическом состоянии, способствующем личностному развитию и реализации своего творческого потенциала.

Как показывают результаты сравнения мужчин и женщин, выполненного как на общей выборке, так и отдельно у участников исследования с разным уровнем экзистенциальной исполненности, мужчинам творческих профессий в рабочей сфере более свойственна ориентация на проявление общей активности, а также поддержания жизнедеятельности. В то же время женщины отличаются большей склонностью к творческой активности, использованию своей энергии и возможностей в той сфере, где можно получить творческие результаты. Проявления этой общей закономерности встречаются также у участников исследования со средним уровнем исполненности, однако при низком и

высоком уровне экзистенциальной исполненности выраженных различий между мужчинами и женщинами не наблюдается.

Результаты корреляционного анализа показывают, что существуют определенные психологические характеристики – как со стороны проявлений экзистенциальной исполненности, так и со стороны особенностей мотивации – которые чаще других образуют достоверные связи и, по-видимому, задают основную специфику взаимосвязи экзистенциальной исполненности и мотивации. Дадим им более подробное описание.

Самотрансценденция. Этот показатель экзистенциальной исполненности заслуживает наибольшего внимания, поскольку именно с ним наблюдалось наибольшее количество наиболее выраженных взаимосвязей, как у мужчин, так и у женщин. Способность к самотрансценденции означает, что человек может находиться в контакте с ценностными и смысловыми аспектами окружающего мира и переживать свою включенность в них и сопричастность с ними. Благодаря этому формируется внутреннее индивидуальное отношение к жизненному опыту, в результате чего человек становится способным обнаруживать и проживать субъективные ценности. Примером этого может являться способность искренне испытывать удовольствие или переживать страдание.

Очевидно, творческая деятельность как акт самовыражения неизбежно предполагает эмоциональную внутреннюю соотнесенность, способность осознавать и принимать себя вместе со своими желаниями и потребностями. Это может быть объяснением той важной роли, которую играет способность к самотрансценденции в структуре экзистенциальной исполненности мужчин и женщин творческих профессий. Доверяя своим переживаниям, человек открывают себе возможность интуитивного понимания ситуации, эмпатии и сопереживания другим людям: «это делает его открытым для инаковости, готовым к встрече с новым – к самотрансценденции как выходу за пределы себя» [2, с.150]. Примечательно, что согласно концепции А. Лэнгле, показатель самотрансценденции образует персональный фактор экзистенции наряду с еще одним показателем – способностью к самодистанцированию:

SD (самодистанцированность) + ST (самотранстенденция) = P (персональность), однако по результатам исследования, шкала самодистанцирования обнаруживает значительно меньше взаимосвязей. Этот результат можно объяснить следующим образом: по своей природе самотрансценденция является следующим этапом развития после обретения способности к самодистанцированию. Когнитивная дистанция по отношению к самому себе полученная благодаря самодистанцированию, дает личности свободу для эмоционального взаимодействия с окружающим миром, и, в конечном итоге – переживания экзистенциальной исполненности. Так как самодистанцирование является первичной основой для самотрансценденции, то можно сделать вывод, что для большинства участников исследования задача самодистанцирования как этапа личностного развития является так или иначе решенной, а значит, оно уже не занимает ведущей роли в структуре изучаемых

личностных особенностей, уступая это место самоотраденции. Далее необходимо описать ряд особенностей, связанных с различным способом участия самоотраденции в структуре мотивации у мужчин и женщин.

Самоотраденция и поддерживающая мотивация. У женщин самоотраденция обнаруживает выраженную и достоверную взаимосвязь с реальным состоянием мотивов статуса и престижа. У мужчин связь самоотраденции с мотивом статуса также присутствует, но она менее выражена. В целом среди группы поддерживающих мотивов, связанных с проявлениями экзистенциальной исполненности, мотивы статуса и престижа занимают ведущее место по количеству взаимосвязей и их выраженности – поэтому данная группа закономерностей ниже будет рассмотрена отдельно.

Самоотраденция и развивающая мотивация. У мужчин самоотраденция, положительно связана с реальным состоянием мотива общей активности, а также с реальным состоянием мотива общественной активности, и мотивом общения – как в реальном, так и в идеальном состоянии. У женщин самоотраденция связана с реальным состоянием мотивов творческой активности в рабочей сфере. В целом, как у мужчин, так и у женщин самоотраденция, как в чистом виде, так и в качестве компонента персонального фактора в наибольшей мере связана с развивающей мотивацией.

Говоря о персональном факторе экзистенциальной исполненности еще раз отметим, что в его состав входит также показатель самодистанцирования.

Самодистанцирование и ее отрицательная связь с мотивацией у женщин. Однако есть группа закономерностей, которая заслуживает отдельного рассмотрения. Это отрицательная корреляция самодистанцирования и идеального состояния мотива общей активности у женщин. Помимо самодистанцирования существует еще несколько показателей идеального состояния мотивов, в том числе свободы и ответственности, отрицательно коррелирующих с проявлениями экзистенциальной исполненности в идеальной сфере у женщин.

Можно говорить о том, что с ростом самодистанцирования происходит не столько однозначное понижение мотивации, сколько ее консолидация вблизи среднего, возможно, оптимального уровня. В целом, данное явление согласуется с законом мотивации Йеркса-Додсона. В данном случае это означает, что высокий уровень самодистанцирования как показатель психологической зрелости, предполагает средний, оптимальный уровень мотивации.

В этом случае, полученная отрицательная связь может быть признаком не понижения мотивации как таковой, а скорее приведения ее к адекватному уровню у тех участников исследования, для которых данный вектор экзистенциальной исполненности является актуальным. Это вполне ожидаемый эффект развития способности к самодистанцированию – «отодвинуть при необходимости свои желания, намерения и идеалы чтобы взглянуть на себя и на ситуацию с определенного расстояния. Не ориентироваться лишь на самого себя, не действовать, будучи слепым по отношению к миру, не реагировать,

непосредственно отвечая на случайные стимулы, а воспринимать ситуацию, размышлять над ней и трезво видеть данности ситуации» [2, с.147].

Свобода и ответственность. Данные показатели экзистенциальной исполненности вместе образуют экзистенциальный фактор исполненности. Мы рассмотрим эти три переменные вместе, поскольку они зачастую образуют взаимосвязи сходной природы.

Первая особенность, которую необходимо отметить, это то, что данная группа показателей обнаруживает положительные взаимосвязи преимущественно с характеристиками поддерживающей мотивации. В рабочей сфере у мужчин творческих профессий уровень экзистенциального фактора экзистенции положительно связан с реальным состоянием статусных мотивов; при этом входящий в состав персонального фактора экзистенции показатель свободы также положительно связан с общим уровнем поддерживающей мотивации.

$F(\text{свобода}) + V(\text{ответственность}) = E(\text{экзистенциальность})$. У женщин в рабочей сфере шкалы свободы, ответственности, как и объединяющий их экзистенциальный фактор положительно связаны с реальным состоянием статусных мотивов. Кроме того, у женщин выявлена положительная связь ответственности и мотивов поддержания жизнеобеспечения. Чтобы раскрыть психологический смысл данного явления, необходимо ответить на вопрос о том, почему именно показатели экзистенциальности – свобода и ответственность – обнаруживают наибольшую связь с поддерживающей мотивацией, в то время как показатели персональности – самодистанцирование и самотрансценденция проявляются преимущественно в контексте мотивации развития.

Предпосылки этого находятся в самой природе этих явлений. Персональность (P) и входящие в нее показатели самодистанцирования (SD) и самотрансценденции (ST) по своему смыслу отражают раскрытие личностного бытия, то насколько открыто человек воспринимает мир и себя в нем, насколько используются его уникальные личностные способности. Соответственно, данные качества в большей мере соответствуют вектору развития, самовыражения и самореализации себя в деятельности, в творческой и общественной активности.

Экзистенциальность (E), включающая в себя показатели свободы (F) и ответственности (V), отражает умение человека ориентироваться в окружающем мире, искать и находить решения и ответственно реализовывать их в жизни, преобразуя окружающий мир в лучшую сторону; быть готовым последовательно участвовать в деятельности, которая представляется значимой. В этом контексте поддерживающие мотивы приобретают важную роль – как инструмент устраивания своей жизни, сохранения и поддержания достигнутого. Это конкретные деятельные аспекты, являющиеся объективным и материальным «субстратом» реализации человеком своего уникального жизненного пути и свидетельствующие о его готовности активно и ответственно управляться с окружающей жизнью. Как отмечает А. Лэнгле,

умение эффективно ориентироваться в конкретных контекстах и обстоятельствах, в сочетании с уверенностью в собственном решении дает человеку возможность для реального воплощения значимых замыслов, в процессе которого человек опирается на тщательность и последовательность исполнения своих, решения, понимаемых как долг перед самим собой.

Эта перспектива, основанная на полученных в исследовании результатах, открывает новые смысловые стороны соотношения мотивов поддержания и развития. Полученные данные свидетельствуют в пользу понимания поддерживающих мотивов не только (и, вероятно, не столько) как проявление «корыстных и потребительских установок», но как отражение зрелой готовности к практической реализации своих подлинных внутренних убеждений, готовность вступить в контакт с конкретной материальной реальностью и взять на себя ответственность за исполнение своего призвания и трансформации своей жизни.

С учетом выявленных параллелей в сфере экзистенциальной исполненности можно говорить о развивающих мотивах как о мотивах раскрытия, выхода за существующие пределы себя, а о поддерживающих мотивах как о мотивах воплощения, реализации полученного внутреннего знания о себе с учетом объективных условий жизни человека и общества.

Статусно-престижные мотивы. Приведенные выше тезисы объясняют те положительные связи, которые выявляются между мотивами статуса и престижа и показателями экзистенциальности как готовности к участию и последовательности в действиях. Согласно взглядам В.Э. Мильмана, – статусно-престижная мотивация подразумевает мотивы поддержания жизнедеятельности и обеспечения комфорта в социальной сфере. Она является показателем того, в какой мере человек стремится получать внимание окружающих, уважение, честолюбие, доминирование, положение в обществе, влияние и власть [5].

Однако если учесть, что деятельность представителей творческих профессий, как правило, неразрывно связана с вниманием, эмоциями и переживаниями других людей, то данная закономерность выглядит более чем естественно. Результатом творческой деятельности всегда является нечто качественно новое и отличающаяся неповторимостью, и оригинальностью. Для большинства профессий, ассоциируемых с творчеством – как и для большинства участников исследования, принявших участие в настоящем исследовании, творческая деятельность прямо предполагает эстетическое измерение ее результатов, основной смысл и значение которых реализуется посредством чувственного, созерцательного восприятия.

Таким образом, как минимум часть мотивов, описываемых В.Э. Мильманом как статусно престижные – такие как внимание окружающих, их признание и оценка – в контексте творческой деятельности могут рассматриваться как закономерный ее атрибут. В практическом смысле объект искусства как объект эстетического суждения окружающих непосредственно предполагает оценку со стороны других людей, пробуждение их переживаний,

воздействие на их эмоции и чувства и, потенциально, трансформацию их чувственного опыта посредством привнесения в него новых способов восприятия окружающей действительности.

Таким образом, взаимосвязь статусно-престижной мотивации и показателей экзистенциальной исполненности может объясняться двумя способами:

- как общей необходимостью поддерживающей мотивации для практической реализации своих решений,
- спецификой творческой деятельности, заключающейся в важности влияния на чувства и переживания человека, важности эстетического и эмоционального отклика на ее результат.

Заключение: в качестве подведения итогов можно сказать, что в целом у женщин более важное место занимает мотив творческой активности, в то время как у мужчин творческая активность дополняется активностью общественной.

И у женщин, и у мужчин самотрансценденция как способность переживать ценности благодаря своим чувствам и эмоциональной включенности тесно связана с общим уровнем развивающей мотивации.

Среди закономерностей, определяющих соотношение мотивации и экзистенциальной исполненности у мужчин, можно отметить положительную связь самотрансценденции с реальным мотивом общественной активности; кроме того, у мужчин самотрансценденция положительно связана с реальной мотивацией общей активности и общения, в том числе и идеальными представлениями о необходимости общения. У мужчин важную роль также играет экзистенциальность как способность решительно и ответственно идти в мир, включаться в жизнь, она связана с реальной мотивацией общей активности и статуса.

У женщин в структуре взаимосвязи мотивации и экзистенциальной исполненности также преобладает самотрансценденция, однако, в отличие от мужчин, она связана с мотивом творческой активности.

Также в у женщин наблюдается больше взаимосвязей характеристик экзистенциальной исполненности и поддерживающих мотивов. Статусно-престижные мотивы положительно связаны с уровнем свободы и ответственности, также с ответственностью связана выраженность мотивов поддержания жизнеобеспечения. В женской подгруппе были выявлены и отрицательные закономерности. Так, уровень способности к самодистанцированию у женщин отрицательно связан с представлениями об идеальном уровне мотива общей активности.

Полученные данные могут быть использованы практическими психологами при работе с людьми творческих профессий, имеющими проблемы в сфере мотивации, а также переживающими экзистенциальные проблемы.

Список литературы

1. Лихачева Э.В., Турчина Т.Ю., Липнухова О.В. Экзистенциальная исполненность, смысложизненные ориентации и уровень субъективного контроля у мужчин и женщин. Инновационная наука. 2015. №8-1.
2. Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2008. 159 с.
3. Майнина И.Н., Васанов А.Ю. Стандартизация методики «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер // Психологический журнал. Том. 31. №1. С.87-99.
4. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия - Москва, 2012. - 478с.
5. Мильман В.Э. Мотивация творчества и роста: Структура. Диагностика. Развитие. М.: Миря и ко, 2005. 166 с.

СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 371

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ
УЧАЩИХСЯ 5 - 6 КЛАССОВ ПОСРЕДСТВОМ
ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ**

Хомякова Мария Николаевна

ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»

Аннотация: в статье рассматриваются особенности развития вычислительных навыков учащихся 5 – 6 классов, отмечается роль и значимость занимательных заданий по математике в развитии учащихся, в частности вычислительных навыков. Раскрывается место занимательных заданий на различных этапах урока математики.

Ключевые слова: математика, вычислительные навыки, занимательные задания, обучение математике.

**FEATURES OF DEVELOPMENT OF COMPUTING SKILLS OF PUPILS OF
5-6 CLASSES BY MEANS OF ENTERTAINING TASKS**

Khomyakova Maria Nikolaevna

Abstract: the article discusses the features of the development of computational skills of students in grades 5 – 6, the role and importance of entertaining tasks in mathematics in the development of students, in particular computational skills. The place of entertaining tasks at different stages of the mathematics lesson is revealed.

Key words: mathematics, computational skills, entertaining tasks, teaching mathematics.

Учащиеся в возрасте 11 – 12 лет проявляют высокий познавательный интерес, это выражается в высокой продуктивности усвоения нового материала. В.А. Крутецкий отмечал в своих трудах, что «благодаря учебной деятельности учащихся развивается их эрудированность, кругозор, расширяется жизненный опыт, а также формируются их увлечения и интересы. Если сравнить шестиклассников с учащимися начальной школы, то можно заметить у первых повышенный интерес к учёбе и узнаванию нового, чем у вторых» [1, с. 42].

По большей части учащиеся интересуются в подростковом возрасте всем вокруг, но не учебой. Им интересно читать Джоан Роулинг «Гарри Поттера» нежели Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Школьники начинают задумываться, что было до него и что будет потом, об экологическом состоянии

своего города и всей планеты в целом, о том, что такое война, и почему мир не во всём мире, почему общество делится на богатых и бедных? Столько вопросов и жажда знаний, что школьная программа не всегда сможет удовлетворить любопытство учащихся, тем самым снижая их познавательный интерес. В народе устоялась такая шутка: «подросток знает всё, что не входит в школьную программу и ему это поистине интересно» [2, с. 271]. Поэтому использование занимательных заданий на уроках математики позволяют повысить внимание школьников к изучаемому материалу.

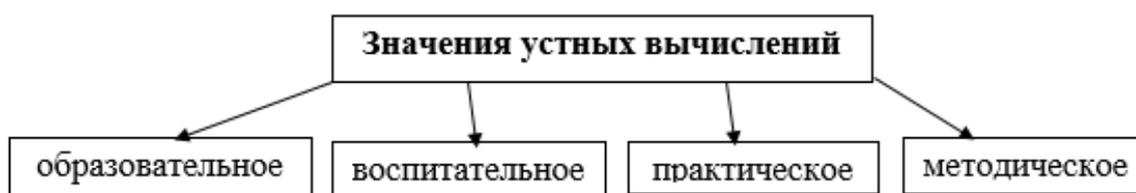
Развивая вычислительные навыки учащихся, параллельно развиваются их основные психические функции, такие как внимание, запоминание, устная и письменная речь. Также вычислительные навыки – благоприятная почва для формирования умения пользоваться алгоритмами и умением рационально мыслить и делать выводы [3].

Вычислительные умения и навыки фиксируются очень сложно и долго, а темп их закрепления зависит от индивидуальных характеристик учащихся, базы полученных знаний и от того, как организована вычислительная деятельность на уроках математики.

Сейчас образование диктует другие правила, а именно не только обучать вычислительной культуре, но и всесторонне и гармонично развивать личность ученика в процессе обучения математике, в частности при выборе методов организации вычислительной деятельности учащихся.

Приоритет отдаётся развивающим занимательным заданиям при организации вычислительной деятельности учащихся, потому что урок должен проходить в развивающем характере. При использовании занимательных заданий надо учесть следующие особенности: их многообразие (не однотипные), неоднозначность решений, а нахождение закономерностей и зависимостей различных, применение любой модели (предметная, символическая, графическая) помогают учитывать индивидуальные характеристики учащихся, их жизненный опыт, предметно-действенное и наглядно-образное мышление и переходить плавно к математическим понятиям (терминам) и символам.

Устные вычисления имеют огромное значение (рис. 1).

Рис. 1 Значение устных вычислений

Устный счёт полезен не только умением быстро и правильно произвести подсчёты в уме, но и помогает лучше понять теоретический материал и

зафиксировать его в памяти, например знания о числе, его составе, а также знание арифметических правил [4].

Так же колоссальное значение устный счёт имеет и в развивающем аспекте (рис. 2).

Рис. 2 Развивающее значение устных вычислений

При всём при этом, устные вычисления развивают и математическую речь учащихся, например, если вводить в курс математики текстовые задачи с использованием математических терминов [1].

Нудная и "чёрствая" наука ... так видят учащиеся математику в своём понимании. Потому что математические задания долго решаются, порой очень запутанные и сложные и часто однотипные задания, которые утомляют и не дают воли фантазии и оттачивания своего мастерства. Занимательные задания призваны решить данную проблему, сделать урок увлекательным, проявить творческие способности и при этом лучше усвоить тему. Но их надо использовать не часто, а то и они могут надоест учащимся, перестать их удивлять и тогда они станут для них скучными. Кроме того, эти задания крайне полезны для развития у учеников математических способностей, которые они смогут реализовать в будущем.

Занимательное задание с точки зрения М.Ю. Шуба, это «необычная задача, содержащая интересные, увлекательные детали или отличается необычностью формы подачи задачи, или в самом сюжете истории, или в методике её решения, или в наглядно-образном материале к задаче. Порой оригинальность, заманчивость задачи заключается в непредсказуемом ответе или создании игрового момента при её решении» [5, с. 39].

Занимательные задания используют в начале урока для мотивации учеников (задание 1), либо в конце для закрепления материала (задание 2). Эти задания помогают настроить учащихся на усвоение материала, сконцентрироваться на нём и сплотить класс для решения общей цели. Также занимательные задания используются и при устном счёте (задание 3), и при развитии математической речи у учащихся (задание 4). Приведём примеры таких задач.

Задание 1. Что легче: 0,3 килограмма железа или 0,3 килограмма ваты?

Решение: масса железа и ваты одинаковая, следовательно, их вес равен.

Задание 2. Умножьте числитель и знаменатель на 10. Сократите полученную дробь на 2, потом полученную дробь сократите на 5. У вас получится задуманное число. Почему?

Решение: $\frac{4 \cdot 10}{3 \cdot 10}$, сокращая на 2, а потом на 5, в итоге мы сокращаем дробь на 10 и снова получаем исходное число.

Задание 3. Егор Знайка задумал число. Потом он умножил это число на 23 и от произведения отнял число 23. В ответе у него получился 0. Какое число задумал Егор?

Решение: Егор задумал число 1.

Задание 4. Как составить сумму в 99 копеек из 22 монет по 2, 3 и 5 копеек?

Решение: $99 = 18 \cdot 5 + 1 \cdot 3 + 3 \cdot 2$.

$18 + 1 + 3 = 22$.

Ответ: 18 монет пятикопеечных, 1 монета трёхкопеечная и 3 монеты двухкопеечных.

Можно использовать разнообразные виды занимательных заданий, такие как старинные задания, помогающие узнать древние обычаи, меры величин (задание 6), или задания со сказочными героями, которым нужно решить задачу (задание 5). В такой форме учащиеся лучше усваивают материал, так как им это интересно. Ниже представлены примеры таких задач.

Задание 5. Буратино стало интересно найти двузначное число, которое одновременно кратно 3, 5, 7.

Решение: нет такого числа, потому что $\text{НОК} = 3 \cdot 5 \cdot 7 = 105$, а это трёхзначное число, что не соответствует условию задачи.

Задание 6. Собака усмотрела в 150 саженях зайца, который пробегает в 2 минуты по 500 саженей, а собака в 5 минут - 1300 саженей. Спрашивается, в какое время собака догонит зайца.

Решение: 1) $500 : 2 = 250$ (с/мин) - скорость зайца.

2) $1300 : 5 = 260$ (с/мин) - скорость собаки.

3) $260 - 250 = 10$ (с/мин) - разница скоростей.

4) $150 : 10 = 15$ (мин) – время, когда собака догонит зайца.

Ответ: 15 минут.

При закреплении темы можно дать задание учащимся: придумать рассказ о математическом термине (задание 7).

Задание 7. Дайте определение «медиана треугольника», используя рассказ?

Приведем пример выполнения данного задания:

Что такое медиана?

Разберемся мы сначала.

Ставим ручку на вершину

И проводим линию в середину.

Получили мы картину

И усвоили дисциплину.

Функции игры и занимательных заданий идентичны, потому что воспитывают, обучают и развивают. Однако не ко всем этапам урока применимы игры. Это связано с тем, что если учащиеся хорошо усвоили материал, то лучше продолжить урок по стандартным заданиям. Для закрепляющего урока лучше использовать игру, так как она поможет лучше освоить навык и умения, и проверить усвоенный материал.

Приведём пример игры с карточками (одна большая и несколько маленьких). Ответов на большой карточке меньше, чем маленьких карточек. Учащийся достаёт из конверта маленькую карточку, выполняет задание и после получения ответа накрывает её правильный ответ лицевой стороной вниз на большей карточке. Как только все задания выполнены из маленьких карточек образуется шифр (буква, рисунок, чертёж). По полученному шифру учитель понимает кто справился с заданием, а кто нет.

Для развития устных вычислений можно провести викторину, когда учащиеся отвечают на вопросы учителя. Победу одержит тот учащийся, кто больше всех наберёт верных ответов. В начале урока викторину можно проводить с целью отработки устных вычислений, в середине урока – для проверки усвоения нового материала, в конце урока – для оценки уровня знаний и умений. Викторина помогает улучшить активность мышления, зарядить учащихся энергией и подтянуть полученные знания. Современные технологии помогают упростить подготовку к уроку, гораздо удобнее учителю подготовить викторину на компьютере, транслируя её на проекторе или усложнить работу подготовкой карточек с заданиями. Отвечают учащиеся сразу. При оценке ответа учитывается скорость ответа на него. За правильный ответ учащимся выдаётся жетон. Кто за игру получил больше жетонов, тот получает высокие оценки.

Таким образом, использование на уроках математики занимательных заданий способствует вовлечению учащихся в устную вычислительную деятельность, тем самым развивая их вычислительные навыки.

Список литературы

1. Козлитина, Л.М. Использование различных видов устных упражнений, как средство повышения познавательного интереса к уроку математики у обучающихся с нарушением интеллектуального развития / Л.М. Козлитина // Современные образовательные технологии в мировом учебно-воспитательном пространстве. - № 9. – 2016. – С. 41 – 46.
2. Дубровина, И.В. Рабочая книга школьного психолога / И.В. Дубровина [и др.]. - М.: Просвещение, 1991. - 303 с.
3. Вроблевский, Э.А. Как научиться легко и быстро считать / Э.А. Вроблевский. - М.: 1932. - 132 с.
4. Вроблевский, Э.А. Как научиться легко и быстро считать / Э.А. Вроблевский. - М.: 1932. - 132 с.
5. Шуба, М.Ю. Занимательные задания в обучении математике / М.Ю. Шуба. - М.: Просвещение, 1994. - 225 с.

© М.Н. Хомякова, 2019

СЕКЦИЯ ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 130.2.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО НАСЛЕДОВАНИЯ: ВЗГЛЯД КЛАССИЧЕСКОЙ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Интымакова Лариса Григорьевна

к. филос. н., доцент

Стародубцева Зинаида Григорьевна

к. филол. н., доцент

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»

Аннотация: Статья посвящена анализу сдвига в рамках постнеклассической рациональности от массово-количественных к индивидуально-качественным ориентирам. Авторы акцентируют внимание на том, что социальное наследие должно рассматриваться не как утрата самоидентичности, личностного своеобразия, а как обретение большей полноты собственного «Я» в общении с другими людьми.

Ключевые слова: личность, уникальность личности, индивидуальность, социальное наследование, культурная идентичность, постнеклассика, рациональность.

INDIVIDUALITY OF SOCIAL INHERITANCE: A VIEW OF CLASSICAL AND POST-NONCLASSICAL RATIONALITY

Intymakova Larisa Grigorievna

Starodubtseva Zinaida Grigorievna

Abstract: The article is devoted to the analysis of a shift within the framework of post-non-classical rationality from mass-quantitative to individually-qualitative benchmarks. The authors emphasize that social heritage should be considered not as a loss of self-identity, personal identity, but as the acquisition of greater completeness of one's own «I» in communication with other people.

Key words: personality, uniqueness of personality, individuality, social inheritance, cultural identity, post-non-classical, rationality.

Современная философия в той или иной степени и в различных формах определяет новые подходы к решению традиционной проблемы человека. Можно утверждать, что к XXI веку практически заканчивается процесс трансформации опыта сознания. Социальная теория приходит к выводу о невозможности создания концепции, способной прогнозировать, чей и какой

именно социальный опыт будет востребован в следующем десятилетии, не говоря уже о следующих поколениях.

Наука XXI века считает установленным, что в системе социума отсутствует целенаправленный набор «положительных» элементов социального наследия. В обществе отсутствуют социальные институты или другие организации, которые способны прогнозировать или предопределить приоритетность или будущую ценность того или иного типа опыта. Из сказанного, безусловно, не следует, что все типы опыта равноценны, однако становится очевидным, что прогнозирование их использования на сегодняшний день практически невозможно. Соответственно, решение данной проблемы требует принципиально новых методологических установок, как минимум, диалога, а, в сущности, полифонии подходов при ее рассмотрении.

Классическая философская традиция в современной ее интерпретации подразумевает некоторое смысловое противопоставление социального наследия индивидуальному и неповторимому, которое нивелируется, элиминируется из рассмотрения или попросту отбрасывается. В постнеклассической парадигме ценностью становятся именно несходство и уникальность. Другой человек может быть обращен к нам только несходством с нами. Исходя из этого, социальное наследие должно рассматриваться не как потеря самоидентичности, личностного своеобразия, а как обретение большей полноты своего собственного «Я» в общении с другими людьми.

Именно такого рода отношения обогащают нас опытом других людей. Собственно, мы и поднимаемся на достаточную высоту осмысления и понимания мира в огромной степени только благодаря усилиям других людей, живших до нас или действующих рядом с нами. «Проекции чужого опыта в моем сознании усиливают мое несовпадение с самим собой, и тем самым предуготовляют меня к превратностям жизни, возможным ударам судьбы» [2, с. 34].

В этой парадигме знания, способы мировидения и умения другого человека превращаются в собственное достояние личности. Современная эпоха, избавляющая человека при помощи компьютерных технологий от необходимости запоминать максимум информации, ставит перед ним принципиально иные задачи: научиться самостоятельно, творчески мыслить, принимать ответственность за свои решения и т.п.

Одной из характерных черт формирующийся культуры XXI века является взаимодействие трех ее типов: общечеловеческой, этнической и массовой культуры, не имеющей национальных корней. Как именно будут сочетаться данные типы культуры в каждом конкретном случае формирования индивидуальности, будет зависеть не только от объективных условий, но и от самого человека, от его возраста и социального статуса, от уровня его образования, от его включенности в то или иное культурное пространство, от его стремления сохранить культурную идентичность, обрести те или иные культурные смыслы.

Серьезную роль в этом процессе играет процесс социального наследования. Оно обычно рассматривается в его функциональных особенностях как наиндивидуальный процесс. При рассмотрении социального наследования абстрагируются от особенного, неповторимого в нем. Принято считать, что социализация предполагает определенную унификацию участвующих в ней субъектов, их опыта, знаний, навыков, умений. При таком подходе в стороне остаются значимые характеристики реального, телесного человека, без которых невозможен всесторонний анализ этого процесса.

Логика рационального исследования данной проблемы с необходимостью выводит нас на идею общности, коллективности, социальности наследования, а также на мысль о бесконечном прогрессе как самого наследия, так и всего процесса социального наследования, в котором реальному человеку отводится достаточно пассивная роль, несмотря на возможность выбора.

Однако за рамками научных построений остается вопрос о том, почему мы усваиваем получаемую, казалось бы, в идентичных объемах информацию в разной степени, в разном количестве, по-разному ее интерпретируя, игнорируя иногда кажущиеся другим необходимыми вещи или идеи. Кроме того, действительность постоянно демонстрирует нам все новые и новые примеры невозможности до конца понять основания ориентации человека в бесконечном пространстве социального опыта. Решение этой проблемы на уровне рациональности так и не было найдено.

Выход за рамки классической рациональности с неизбежностью приводит нас к выводу о том, что выбор всегда крайне индивидуализирован. Он обусловлен в известной степени генетически, но это не единственная детерминанта. В течение всей жизни конкретного индивида появляются все новые детерминирующие его факторы. Однако невозможно говорить о их жесткой рациональной обусловленности, так как в огромном большинстве случаев этот выбор определяется и иррациональными факторами, не поддающимися логическому анализу.

Не оспаривая значимости ритуала, стереотипа, традиции в механизмах социального наследования, необходимо акцентировать внимание на роли уникальности, неповторимости конкретной индивидуальности в этом многогранном процессе. Наследие, которое конкретный субъект застает как объективную данность, предстает перед ним в бесконечном многообразии «предложений», и «чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» [1, с. 112].

Индивидуальность человека рождается, таким образом, на пересечении разных генеалогий. Это определяет уникальность каждого из нас. Эта непохожесть выработана всей предшествующей историей с ее непредсказуемыми изменениями и неожиданными поворотами. Кроме того, способность строить свое будущее во многом определяется именно уникальностью задатков человека. Любой из нас может повторить вслед за Р. Рильке: «Здесь ничто без меня не завершено и ничто не успело стать» [3, с. 35], поэтому эпоха масс сменяется в конце XX века эпохой личностей. В

общественном сознании происходит сдвиг от массово-количественных к индивидуально-качественным ориентирам. И в нашей стране, и за рубежом как никогда раньше люди на практике убеждаются, что жизнеспособно лишь единое в своем многообразии общество.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Режабек Е. Я. Что такое постиндустриализм // Инновационные подходы в науке: Теоретические и методологические проблемы социогуманитарного познания. Сборник статей. Отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д, 1995. 225 с.
3. Рильке Р. М. Часослов. Часть II – Книга о Паломничестве (1901). СПб., изд-во «Азбука», книжный клуб «Терра», 1998.

СЕКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 34.01

ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Бабаев Таймураз Владимирович

ОЧУВО «Международный инновационный университет»

Аннотация. В статье анализируется содержание принципа верховенства права и практика его реализации в РФ. Автором поднимается вопрос о возможности выделения нового аспекта принципа верховенства права – стабильности права и правовой системы. В работе приводятся примеры чрезмерных изменений в законодательство, вносится предложение ограничить законодательную власть во внесении поправок в законодательство Конституционным Судом РФ.

Ключевые слова: Верховенство права, верховенство закона, Конституционный Суд РФ, законодательная власть, законотворчество.

THE PRINCIPLE OF THE PRIMACY OF LAW IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Babaev Tajmuraz Vladimirovich

Abstract: The article analyzes the content of the rule of law and the practice of its implementation in the Russian Federation. The author raises the question of the possibility of highlighting a new aspect of the rule of law – the stability of law and the legal system. The paper provides examples of excessive changes in the legislation, the proposal to limit the legislative power in amending the legislation by the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: Rule of law, rule of law, constitutional Court of the Russian Federation, legislative power, lawmaking.

Понятие «законность» прочно закрепилось в нормативных правовых актах РСФСР в советский период. В каждом учебнике, монографии, методическом пособии, выступлении, докладе говорилось о «социалистической законности» как объекте охраны, о принципе «социалистической законности в советском праве [1]. В конце 80-х – начале 90-х годов на волне стремительных демократических изменений и нивелирования идей социализма и коммунизма, ученые пришли к выводу о необходимости установления принципа верховенства права.

В то же время ученые в своих выводах делают акценты на разных гранях данного принципа. Так, одни авторы отмечают, что данное положение является синонимом верховенства закона. Все равны перед законом, никто не может быть выше закона. В данном случае ученые исходят из английского понимания слова право – «law», которое переводится и как право в целом, и как закон [2].

Другая позиция отражает мнение, что верховенство права относится лишь к реализации права. То есть все действия, в том числе и правоприменение должны подчиняться закону.

Третья группа ученых концентрирует внимание на возможности прямого действия норм Конституции РФ, закрепляющих права человека и гражданина, что и является ограничением произвола власти [3, с.9].

Четвертая точка зрения относительно принципа верховенства права подчеркивает такое его свойство как приоритет права над политикой, что включает в себя как деятельность по правореализации, так и деятельность по правотворчеству.

Общим для всех рассмотренных положений выступают исторические корни данного принципа. Так, данный принцип берет свое начало в идеях Великой французской буржуазной революции, и заключается в провозглашении первенства прав человека и гражданина и ограничении произвола властей. Сформулирована была данная доктрина уже позже английским ученым А. Дайси, который, к слову, наряду с доктриной верховенства права обосновывал верховенство парламента, как единственного автора законов [4].

Исходя из рассмотренных позиций, принцип верховенства права следует рассматривать на нескольких уровнях. На уровне правореализации или правоприменения речь должна идти именно о принципе законности, то есть соблюдении соответствующих положений закона.

На уровне правотворчества принцип верховенства права должен трактоваться несколько сложнее. Законодатель, принимая изменения в законе, новое законодательство обязаны руководствоваться позицией верховенства прав человека перед политическими интересами.

Данные положения уже многократно исследовались как самостоятельно, так и в сравнении с их пониманием за рубежом. В статье 4 Конституции РФ принцип верховенства права сформулирован как «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации». Соблюдение данного положения гарантирует целая система государственных органов. В то же время проблема сегодня лежит в несколько иной плоскости.

В последние годы можно наблюдать ситуацию, когда само законодательство меняется постоянно. При этом проблемы вызывает, во-первых, частота изменений, что наблюдается в системе образования. Образовательные стандарты меняются раз в два-три года, что не позволяет учебным заведениям полноценно организовывать учебный процесс, а требует постоянного обновления документации. Частые изменения, не оставляющие

времени для результативной работы, наблюдаются и в других направлениях, отраслях права.

Качество изменений также оставляет желать лучшего. Наблюдается тенденция внесения изменений в какой-либо закон точно, хаотично, и зачастую, для достижения конкретных политических результатов, в интересах отдельной социальной группы. Примером может служить та же система образования, где с каждым новым образовательным стандартом сокращается количество аудиторных занятий, что в дальнейшем приводит к сокращениям педагогического состава государственных ВУЗов. Также, за последние несколько лет обнаруживается тенденция активной гуманизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства в отношении предпринимателей и предпринимательской деятельности. В то же время ужесточается ответственность за новые деяния, ранее не считавшиеся правонарушениями [5; 6; 7]. При этом, как видно, изменения в законодательство вносятся с целью снизить социальную напряженность в государстве, в интересах экономической политики, привлечения инвестиций [8]. Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере пенсионного, трудового законодательства [9] и т.д.

Безусловно, все принимаемые законы соответствуют Конституции РФ, что в отдельных спорных случаях подтверждается решениями Конституционного Суда РФ. Но перед Конституционным Судом еще не ставился вопрос о том, целесообразно ли было принятие нового закона. В связи с изложенным, в Российской Федерации возникла ситуация, когда в условиях ежедневного изменения определенных правил, норм, стандартов, процедур, негативные последствия сказываются на правоприменителях и рядовых гражданах [10]. В связи с этим, возникает вопрос, может ли ограничиваться принципом верховенства права сама возможность постоянного изменения законодательства в различных целях. Думается, что принцип верховенства права как принцип ограничения произвола властей должен включать определенные рамки изменений. Поскольку отсутствие стабильности в правовой системе, постоянное изменение правил осуществления тех или иных видов деятельности противоречит духу принципа верховенства права, каким он был порожден и провозглашен несколько веков тому назад.

Как видится, главным ограничителем произвола властей в чрезмерных изменениях законодательства может выступать все тот же Конституционный Суд РФ. Законодательный процесс должен начинаться не с разработки проекта в комитетах, а с запроса председателя того или иного комитета Государственной Думы РФ в Конституционный Суд РФ о возможности внесения изменений в тот или иной Федеральный закон. Соответствующий запрос или представление должны содержать не просто обоснования его принятия, а обоснования невозможности его непринятия в интересах соблюдения прав человека. Такая процедура позволит Конституционному суду заблаговременно определить конституционность тех или иных законов, экономя время и средства на их разработку и принятие в нескольких чтениях.

В связи с этим, принцип верховенства права, как ограничитель произвола властей, в современных условиях необходимо исследовать с позиции принципа стабильности права, обоснованного и разумного его изменения.

Список литературы

1. Общая теория социалистического права: Нормы права и правоотношения. Курс лекций: Учебное пособие. Вып. 2 / Алексеев С.С.; Ред.: Петрищева Г.И. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. 226 с.
2. Хайек Фридрих Август. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек ; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
3. Гончарова А.А. Правовые основы обеспечения верховенства конституционных прав и свобод личности в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 СПб., 2006 206 с.
4. Фомин А. Верховенство права // Свободная мысль. 2013. № 3 (1639). С. 165-176.
5. Сплавская Н.В., Данилов Р.Р. Законность и ответственность в государственном управлении. Сочи, 2014.
6. Ветрила Е.В. Актуальные проблемы обеспечения права на защиту в уголовном процессе России на современном этапе // Государство и право в XXI веке. 2016. № 2. С. 54-61.
7. Ветрила Е.В. К вопросу об основаниях возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России // Государство и право в XXI веке. 2013. №2. С. 11-14.
8. Сплавская Н.В. Очередная реформа МВД РФ: достижения и проблемы в разрезе эффективности работы субъектов предупреждения преступности // Вестник СевКавГТИ. 2016. № 3 (26). С. 75-78.
9. Кашлакова А.С. Право на жизнь человека: трудовая аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. № 3. С. 21-23.
10. Ветрила Е.В., Гайдидей Ю.М., Дружинина А.В., Мануков М.М., Сплавская Н.В. Актуальные вопросы правоприменительной практики / Коллективная монография / Под общей редакцией Н.В. Сплавской. Сочи, 2017. 65с.

© Т.В.Бабаев, 2019

СЕКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА И АНАЛИЗ ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Шиков Юрий Алексеевич

Научный руководитель: **Горюнова Наталья Дмитриевна**

к.э.н., доцент кафедры экономики и финансов

ФГБОУ ВО «СПбГУПТД»

Аннотация: С целью поддержания достигнутого уровня и дальнейшего наращивания объемов производственно-хозяйственной деятельности предприятия в современных условиях жесткой конкуренции вынуждены инвестировать значительные средства на замену изношенной части и прирост собственного основного капитала. При этом, ключевым вопросом, который решается любым субъектом хозяйствования при реализации новых или модернизации существующих элементов основного капитала является формирование планов капитальных вложений или бюджетирование инвестиционных проектов.

Ключевые слова: бюджетирование, финансовое планирование, управленческие решения, экономическая эффективность.

SOURCES OF FINANCING FOR THE INVESTMENT PROJECT AND ANALYSIS OF ITS ECONOMIC EFFICIENCY

Shikov Urii Alexeevich

Goriunova Natalia Dmitrievna

Abstract: The success of the activities of economic entities depends on the setting of clear goals and objectives, as well as on the definition of ways and methods to achieve them. The formation and development of a financial planning system allows business entities to achieve the most effective results. One of the main financial planning tools is budgeting.

In aim to maintain the achieved level and further increase the volume of production and economic activity, enterprises in the modern conditions of fierce competition are forced to invest significant funds to replace the worn-out part and to increase their own fixed capital. At the same time, the key issue, which is solved by any subject of management during the implementation of new or modernization of existing elements of fixed capital is the formation of capital investment plans or budgeting of investment projects.

Keywords: budgeting, financial planning, management decisions, economic efficiency.

Реализация инвестиционных проектов, как правило, может осуществляться за счет трех источников финансирования: собственные средства инициатора проекта (уставный капитал, накопленная нераспределенная прибыль, обыкновенные акции, венчурный капитал и прочие), заемные средства (кредиты, векселя, облигации, лизинг), а также гибридные средства (привилегированные акции и конвертируемые облигации).

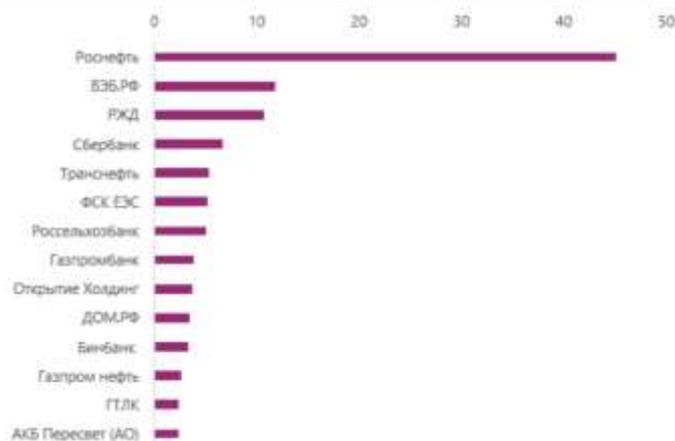
На практике необходимо отметить довольно явный тренд, сущность которого отражается в уверенном росте долгового финансирования российского крупного и среднего бизнеса, и, соответственно, низкие темпы роста привлечение акционерного капитала для дальнейшего расширения.

Это заметно, в частности, по данным графика, (см. рис. 1) на котором представлена динамика рынка облигационных займов в РФ, который, несмотря на провал 2015 года, вырос до нового исторического максимума всего через 2 года и превысил значение в 300 млрд долларов США.

Рис. 1 Объем рынка облигаций РФ (по данным ЦБ РФ)

Здесь необходимо отметить тот факт, что на данный момент крупнейшими заемщиками российского долгового рынка по-прежнему являются крупнейшие государственные компании (см. рис. 2). Однако, нельзя игнорировать новейшие выпуски молодых компаний, которые начинают активно «осваивать» данный способ финансирования своих проектов.

Рис. 2 Структура крупнейших корпоративных облигационных заемщиков в РФ на 2018 год (Источник – ЦБ РФ)

Важным аспектом является то, что облигационные займы могут быть довольно быстро и оперативно интегрированы в бюджетную систему компании, что подчеркивает привлекательность данного вида финансирования.

При оценке эффективности и отборе инвестиционных проектов необходимо руководствоваться следующими принципами:

- сопоставимость проектов во времени, по уровню риска и ликвидности (денежные потоки по проектам имеют разный временной профиль, характеризуются различной степенью риска и оказывают различное влияние на ликвидность предприятия; сопоставимость проектов обеспечивается путем дисконтирования денежных потоков по проектам);

- совместимость проектов в инвестиционной программе (оценка синергического эффекта проектов; влияние проектов на денежные потоки; выявление возможности диверсификации риска портфеля на основе включения проектов с разной динамикой экономического цикла);

- интегрированность проекта в хозяйственный механизм предприятия;
- всесторонний учет издержек и доходов по проектам;
- вероятностный характер показателей эффективности проекта.

Отбор инвестиционных проектов и формирование инвестиционного портфеля предприятия осуществляются в несколько этапов (рис. 3).

Ретроспективный анализ управления реальными инвестициями предприятия предполагает оценку показателей эффективности инвестиционных проектов в предыдущем периоде, состояние ранее начатых проектов, их потребность в финансовых, управленческих и материальных ресурсах, а также выявление факторов, повлиявших на реализацию проектов в предыдущем периоде. В финансовой теории сравнение фактических результатов проектов с ожидавшимися при принятии решения о финансировании проекта и анализ причин выявленных отклонений получили название постаудита (post-audit).

Рис. 3 Этапы отбора инвестиционных проектов

При отборе инвестиционных проектов проводится оценка условий реализации инвестиционных проектов в плановом периоде, определяющих возможности финансирования проектов, их наиболее вероятные результаты (возможности привлечения и стоимость инвестиционных ресурсов и активов, характеристики ранее начатых инвестиционных проектов, состояние инвестиционного рынка, конкурентной среды, динамика рыночного спроса).

Существуют следующие группы критериев отбора инвестиционных проектов:

- количественные, (показатели экономического эффекта и эффективности проектов);
- качественные (влияние проектов на конкурентоспособность предприятия; стратегическая значимость проекта, т.е. влияние на реализацию других проектов, стратегическое положение предприятия в отрасли);
- показатели риска реализации проекта (чувствительность проекта к изменению факторов рыночной среды; вариация денежных потоков проекта; влияние на финансовую устойчивость предприятия).

Не будет преувеличением сказать, что на практике наиболее часто инвесторы и предприниматели наибольшее внимание уделяют количественным показателям, которые благодаря своей наглядности, сравнимости и относительной простоты расчета являются одним из лучших инструментов при бюджетировании инвестиционных проектов, среди которых выделяют следующие показатели:

- чистый приведенный доход (NPV)

$$NPV = -C_0 + \sum_{t=1}^N \frac{C_t}{(1+i)^t} \quad (1)$$

- внутренняя норма доходности (IRR)

$$IRR = NPV = -C_0 + \sum_{t=1}^N \frac{C_t}{(1+i)^t} = 0 \quad (2)$$

- окупаемость проекта

$$PP = \frac{K_0}{CF_{aa}} \quad (3)$$

- коэффициент возврата инвестиций

$$ROI = \frac{PR-I}{I} * 100 \quad (4)$$

Значения критериев определяются по целевым стратегическим нормативам (допустимый уровень риска деятельности предприятия; валовой объем инвестиционной деятельности; показатели эффективности инвестиций).

Оценка эффективности инвестиционных проектов дается на основе разработанных бизнес-планов проектов. При этом рассчитываются как индивидуальные показатели эффективности проекта, так и показатели эффективности функционирования предприятия с учетом реализации проекта.

В последнем случае оцениваются эффективность функционирования предприятия до и после реализации проекта с учетом его влияния на операционную деятельность, риски, ликвидность предприятия. Оценка эффективности проектов в рамках инвестиционного портфеля дается с учетом их взаимодополнения и значения синергического эффекта. При этом учитывается влияние новых проектов на возможности финансирования действующих, а также стоимость привлекаемых инвестиционных ресурсов и др.

Формирование инвестиционного портфеля и оценка совместимости проектов осуществляются с учетом приоритетов деятельности предприятия, целевых стратегических нормативов и ограничений (показатели самофинансирования, кредитоспособности, возможности привлечения внешних источников финансирования). Реализация интересующих инвестиционных проектов может быть отложена в том случае, если это негативно скажется на финансовой устойчивости предприятия. Инвестирование реальных проектов всегда ухудшает финансовое состояние предприятия, поэтому высокую инвестиционную нагрузку может не выдержать даже крупное предприятие. Результатом этапа является формирование оптимального капитального бюджета (optimal capital budgeting) – набора проектов, совместная реализация которых максимально увеличит стоимость предприятия.

В реальной практике оптимальный капитальный бюджет редко соответствует точке максимизации прибыли от инвестиций. Во-первых, установленный норматив самофинансирования ограничивает возможности привлечения внешних инвестиционных ресурсов, как заемных, так и собственных. Подобного рода ограничения называются рационированием капитала (capital rationing). Во-вторых, предприятие может выбрать менее

доходный проект для достижения основных стратегических целей либо выполнения нормативов отраслевой или региональной структуры инвестиций. Кроме того, выход за пределы максимизации прибыли по инвестиционным проектам возможен благодаря проявлению эффекта синергии в том случае, когда прибыльность портфеля оказывается выше суммы прибыли по отдельным инвестиционным проектам.

Список литературы

1. <https://www.acra-ratings.ru/research/1119>

СЕКЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

УДК 664.784:631.82(470.64)

АГРОТЕХНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЩИВАНИЯ САХАРНОЙ КУКУРУЗЫ В УСЛОВИЯХ КБР

Ханиева И.М.

доктор с.-х. наук, профессор

Шогенов Ю.М.

кандидат с.-х. наук, доцент

Виндугов Т.С.

аспирант

Забиков А.Б.

Кабардино-Балкарский ГАУ

Аннотация: В статье изучается технология производства початков сахарной кукурузы, установлено в ходе полевого эксперимента влияние сроков посева на урожайность початков сахарной кукурузы, перспективным сортом сахарной кукурузы для возделывания на выщелоченных черноземах Кабардино-Балкарской республики является среднепоздний Мегатон F1, показавший за годы исследований наибольшую урожайность товарных початков 24,3 т/га, в т.ч. зерна - 15,14 т/га. При этом початок имел наибольшее количество зерен - 787 шт., при массе початка- 531,5 г, в т.ч. массе зерна - 331,3 г и массе 1000 зерен -421,1 г.

Посев сорта сахарной кукурузы в разные сроки - от 25 апреля до 5 июля обеспечивает поступление початков на консервный завод в течение 80-100 суток - с первой декады августа по ноябрь.

Оптимальным при посеве среднепозднего сорта Мегатон F1 является II срок посева (20.05-25.05), обеспечивающий наибольшую урожайность товарных початков 24,6 т/га, в т.ч. зерна 15,57 т/га. Прибавка к контролю урожая товарных початков составила 0,9, в т.ч. зерна 0,89 т/га или 4 и 6 %.

Ключевые слова: сроки посева, урожайность, сахарная кукуруза, сорт Мегатон F1, товарные початки, техническая спелость.

PRODUCTIVITY DEPENDING ON THE TIMING OF SOWING OF SWEET CORN IN THE CONDITIONS OF THE FOOTHILL ZONE OF KABARDINO-BALKARIA

Khanieva I.M.

Shogenov Yu.M.

Shibzukhov Z.S.

Vindugov T.S.

Abstract: The article studies the technology of production of sugar corn cob, a field experiment established the influence of sowing dates on the yield of cobs of sugar, a promising variety of sugar corn for cultivation on leached chernozems of the Kabardino-Balkarian Republic is the medium-late Megaton F1, which has shown the highest yield of commodity over the years of research ears of 24.3 t / ha, including grain - 15.14 t / ha. In this case, the ear had the largest number of grains - 787 pcs., With the weight of the ear - 531.5 g, incl. the mass of grain is 331.3 g and the weight of 1000 grains -421.1 g.

Sowing a variety of sweet corn at different times - from April 25 to July 5, ensures that the ears arrive at the cannery within 80-100 days - from the first decade of August to November.

The optimal sowing season for the medium-late variety Megaton F1 is the second sowing period (May 20-25, 2005), which provides the highest yield of cobs of 24.6 t / ha, including grain 15.57 t / ha. The increase in the control of the harvest of cobs was 0.9, incl. grain 0.89 t / ha or 4 and 6%.

Keywords: sowing dates, productivity, sweet corn, Megaton F1 variety, ears of corn, technical ripeness.

Посев - один из самых важных и ответственных агротехнических приемов. Своевременность и хорошее качество посева - основное условие получения высокого урожая всех сельскохозяйственных культур. Посеять в оптимальные сроки - это значит создать наиболее благоприятные условия тепла, влаги и света для прорастания семян, а в последующем - для роста растений, формирования ими высокого и качественного урожая. Несвоевременный посев, когда всходы или взрослые растения могут попасть в неблагоприятные условия (заморозки, суховеи т.п.), может привести к потере урожая. Большие потери урожая наблюдаются при поздних сроках посева.

Проведенные нами в 2016-2018 годах исследования по изучению сроков сева сахарной кукурузы позднеспелый сорт Мегатон F₁ с целью определения возможности продления периода получения товарных початков технической спелости в условиях предгорной зоны Кабардино-Балкарии на выщелоченном черноземе в учебно-опытном комплексе Кабардино-Балкарского ГАУ предусматривали выращивание с 25 апреля по 1 июля с интервалом 5 дней (табл. 1).

В ходе исследований влияния сроков посева на рост, развитие и урожайность были получены следующие данные.

Изменения сроков посева по-разному отразились на динамике нарастания зеленой массы растений (табл. 1).

Таблица 1

Динамика нарастания зеленой массы сахарной кукурузы сорта Мегатон F1 в зависимости от сроков посева, в среднем за 2016 -2018 гг., т/га

Срок посева	Суток от начала вегетации			
	6	37	67	87
I срок (25.04-5.05) (К)	3,3	31,5	64,2	73,2
II срок (20.05-25.05)	3,4	33,9	67,1	76,2
III срок (5.06-10.06)	3,3	30,7	62,3	71,1
IV срок (20.06-25.06)	3,2	29,6	58,1	67,3
V срок (1.07-5.07)	3,2	28,5	55,4	64,4

Из таблицы 1 видно, что при II сроке посева создавались более благоприятные условия для накопления растениями зеленой массы, которая при уборке сахарной кукурузы была на 3 т/га больше, чем при I сроке посева. Иные изменения в урожае зеленой массы растений проявились при более поздних сроках посева. На делянках III и IV сроков посева он оказался меньше на 2,1 и 5,9 т/га, а уже при V сроке посева - на 8,8 т/га, чем при I сроке посева.

В 2016 году зеленая масса растений сорта Мегатон F1 в зависимости от сроков его посева составляла 62,5-73,9 т/га, в 2004 - 66,4-78,5 т/га, в 2018 - 64,5-76,3 т/га.

Отставание в развитие растений сахарной кукурузы сорта Мегатон F1 при поздних сроках посева подтверждается наблюдениями за изменением динамики нарастания абсолютно сухой биомассы (табл. 2).

Таблица 2

Динамика нарастания абсолютно сухой биомассы сахарной кукурузы сорта Мегатон F1 в зависимости от сроков посева, в среднем за 2016 -2018 гг., т/га

Срок посева	Суток от начала вегетации			
	6	37	67	87
I срок (25.04-5.05) (К)	0,65	6,83	17,04	22,36
II срок (20.05-25.05)	0,67	7,35	17,83	23,25
III срок (5.06-10.06)	0,65	6,65	16,55	21,67
IV срок (20.06-25.06)	0,64	6,41	15,47	20,59
V срок (1.07-5.07)	0,63	6,18	14,68	19,61

Выше приведенная таблица 2 показала, что в среднем за годы исследований при уборке сахарной кукурузы накопленной абсолютно сухой биомассы растений при II сроке посева было на 0,9 т/га больше, чем при I сроке посева (22,36 т/га). При III, IV и V сроках посева наблюдалось снижение этого показателя до 21,7; 20,6 и 19,6 т/га соответственно.

В зависимости от сроков посева и условий естественного увлажнения абсолютно сухая биомасса растений изменялась от 19,3-23,6 т/га в засушливых 2016 и 2018 годах до 20,3-23,9 т/га во влажном 2017 году.

Таким образом, учет урожая зеленой массы и абсолютно сухой биомассы растений сахарной кукурузы среднепозднего сорта Мегатон F1 показал, что наилучшие результаты - в среднем за три года 75,9 и 22,3 т/га соответственно получены при II сроке посева (20.05-25.05).

В результате экспериментальных исследований было определено, что наибольшую урожайность товарных початков 24,2 т/га, в т.ч. зерна 15,00 т/га растения сахарной кукурузы среднепозднего сорта Мегатон F1 сформировали при II сроке посева. Прибавка к контролю составила 0,9, в т.ч. зерна 0,8 т/га (табл. 3,4).

Таблица 3

Урожайность товарных початков сахарной кукурузы сорта Мегатон F1 в зависимости от сроков посева, 2016 -2018 гг., т/га

Срок посева	Урожайность, т/га			Средняя урожайность, т/га	Отклонение от (К)	
	2016 г.	2004 г.	2018 г.		±Д	%
I срок (25.04-5.05) (К)	22,7	24,4	22,9	23,3	-	-
II срок (20.05-25.05)	23,5	25,3	23,7	24,2	0,9	4,0
III срок (5.06-10.06)	21,5	23,3	21,7	22,2	-1,1	4,9
IV срок (20.06-25.06)	19,2	20,9	19,5	19,9	-3,4	14,6
V срок (1.07-5.07)	18,1	19,7	18,6	18,8	-4,5	19,2
НСР _{0,05} , т	1,2	0,8	1,3	-	-	-

Таблица 4

Урожайность зерна сахарной кукурузы сорта Мегатон F1 в зависимости от сроков посева, 2016 -2018 гг., т/га

Срок посева	Урожайность, т/га			Средняя урожайность, т/га	Отклонение от (К)	
	2016 г.	2004 г.	2018 г.		±Д	%
I срок (25.04-5.05) (К)	13,8	15,4	14,2	14,5	-	-
II срок (20.05-25.05)	14,8	16,2	15,0	15,3	0,8	5,8
III срок (5.06-10.06)	12,9	14,2	13,3	13,4	-1,1	7,3
IV срок (20.06-25.06)	11,7	13,0	12,1	12,3	-2,2	15,4
V срок (1.07-5.07)	10,7	12,0	10,8	11,2	-3,3	23,1
НСР _{0,05} , т	0,7	0,6	1,0	-	-	-

При III и IV сроках посева наблюдалось снижение урожайности товарных початков на 5 % и 15 %, в т.ч. зерна - на 7 и 16 % по сравнению с I сроком посева.

Самая низкая урожайность товарных початков - 18,8 т/га, в т.ч. зерна - 11,2 т/га были получены при V сроке посева. При этом отклонение от I срока посева составило 18 и 22 %.

В результате можно заключить, что II срок посева (20.05-25.05) является оптимальным при посеве среднепозднего сорта Мегатон F1 .

Исследование структуры урожая сахарной кукурузы среднепозднего сорта Мегатон F1 позволило установить его количественные изменения в зависимости от сроков посева (табл. 5).

Таблица 5

Структура урожая товарных початков сахарной кукурузы сорта Мегатон F1 в зависимости от сроков посева, в среднем за 2016 -2018 гг.

Срок посева	Количество					Масса одного початка, г			Масса зерна с 1 м ² , г	Масса 1000 зерен, г
	Товарных початков с 1 м, шт.	Рядов в початке, шт.	Зерен в ряду, шт.	Зерен в початке, шт.	Зерен на 1 м, шт.	всего, г	Выход зерна, %	в т.ч. зерна, г		
I срок (25.04-5.05) (К)	4,43	20	38	768	3458	518,4	0,61	321,5	1446,5	412,1
II срок (20.05-25.05)	4,57	20	39	788	3659	521,6	0,62	330,3	1533,6	412,9
III срок (5.06-10.06)	4,36	20	37	749	3316	500,4	0,60	303,5	1344,1	399,4
IV срок (20.06-25.06)	4,20	20	36	729	3107	466,7	0,61	287,8	1226,4	388,9
V срок (1.07-5.07)	4,01	20	35	709	2888	461,6	0,58	273,9	1115,3	380,4

В среднем за годы исследований при I сроке посева товарных початков было получено 4,43 шт. с 1 м , зерен в початке - 768 шт., масса одного початка составила 518,4 г, в т.ч. масса зерна - 321,5 г, масса 1000 зерен - 412,1 г. При II сроке посева растения имели большее количество товарных початков - 4,57 шт./м² и зерен в початке 788 шт., при массе початка - 521,6 г, в т.ч. массе зерна – 330,3 г и массе 1000 зерен - 412,9 г. При III, IV и V сроках посева количество товарных початков уменьшилось соответственно до 4,36, 4,20, 4,01 шт./м², количество зерен в початке - 749, 729, 709 шт., масса одного початка - 500,4, 466,7, 461,6 г, в т.ч. масса зерна - 303,5, 287,8, 273,9 г, масса 1000 зерен - 399,4, 388,9 и 380,4 г.

Таким образом, у среднепозднего сорта Мегатон F1 при II сроке посева (20.05-25.05) было большее количество товарных початков 4,57 шт./м , зерен в початке 788 шт., масса початка – 521,6 г, в т.ч. масса зерна - 330,3 г и масса 1000 зерен-412,9 г.

На основании вышеизложенного по полевому опыту с сахарной кукурузой можно сделать следующие выводы:

1. Перспективным сортом сахарной кукурузы для возделывания на выщелоченных черноземах Кабардино-Балкарской республики является среднепоздний Мегатон F₁, показавший за годы исследований наибольшую урожайность товарных початков 24,3 т/га, в т.ч. зерна - 15,14 т/га. При этом початок имел наибольшее количество зерен - 787 шт., при массе початка- 531,5 г, в т.ч. массе зерна - 331,3 г и массе 1000 зерен -421,1 г.

2. Посев сорта сахарной кукурузы в разные сроки - от 25 апреля до 5 июля обеспечивает поступление початков на консервный завод в течение 80-100 суток - с первой декады августа по ноябрь.

3. Оптимальным при посеве среднепозднего сорта Мегатон F1 является II срок посева (20.05-25.05), обеспечивающий наибольшую урожайность товарных початков 24,6 т/га, в т.ч. зерна 15,57 т/га. Прибавка к контролю урожая товарных початков составила 0,9, в т.ч. зерна 0,89 т/га или 4 и 6 %.

Список литературы

1. Шогенов Ю.М. Структуру урожая гибридов кукурузы разных групп спелости в кабардино-балкарии в зависимости от сортовых особенностей и сроков посева/В сборнике: современное экологическое состояние природной среды и научно-практические аспекты рационального природопользования IV Международная научно-практическая Интернет-конференция. ФГБНУ «Прикаспийский аграрный федеральный научный центр Российской академии наук». с. Солёное Займище, 2019. С. 347-350.

2. Шогенов Ю.М., Шибзухов З.С., Темиржанов А.М. Влияние сортовых особенностей и сроков посева на накопление сухой массы гибридами кукурузы кабардино-балкарской республики/В сборнике: современное экологическое состояние природной среды и научно-практические аспекты рационального природопользования IV Международная научно-практическая Интернет-конференция. ФГБНУ «Прикаспийский аграрный федеральный научный центр Российской академии наук». с. Солёное Займище, 2019. С. 342-345.

3. Шогенов Ю.М., Эльмесов С.С.-Б., Виндугов Т.С. Индивидуальная продуктивность растений гибридов кукурузы в связи с сортовыми особенностями и сроками посева в Кабардино-Балкарии//Междунар.научно-практ.конф., «Научно-практические пути повышения экологической устойчивости и социально-экономическое обеспечение сельскохозяйственного производства», Астрахань, 18-19 мая 2017 г.

4. Ханиева И.М., Шогенов Ю.М., Шибзухов З.Г.С. Зависимость структуры урожая гибридов кукурузы в Кабардино-Балкарии от сортовых особенностей и обработки биопрепаратами/сборнике: Технологии, инструменты и механизмы инновационного развития. - Материалы международной научно-практической конференции НИЦ «Поволжская научная корпорация» . 2017. С. 159-162.

5. Ханиева И.М., Шогенов Ю.М., Шибзухов З.Г.С. Урожайность гибридов кукурузы в Кабардино-Балкарии в зависимости от сортовых особенностей и сроков посева/ В сборнике: Технологии, инструменты и механизмы инновационного развития. - Материалы международной научно-практической конференции НИЦ «Поволжская научная корпорация» . 2017. С. 162-164.

6. Ханиева И.М., Шибзухов З.С., Шогенов Ю.М. Влияние сортовых особенностей и сроков посева на урожайность сахарной кукурузы в Кабардино-Балкарии .-Проблемы развития АПК региона. 2018. № 2 (34). С. 102-108.

7. Магомедов К.Г. Восстановитель плодородия почв/ Ханиева И.М., Кишев А.Ю., Бозиев А.Л., Жеруков Т.Б., Шибзухов З.Г.С., Амшоков А.Э./В сборнике: Fundamental and applied science-2017 Materials of the XIII International scientific and practical conference. Editor: Michael Wilson. 2017. С. 74-77.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ 2019

Сборник статей

Международного научно-исследовательского конкурса,
состоявшегося 7 октября 2019 г. в г. Петрозаводске.

Под общей редакцией И.И. Ивановской

Подписано в печать 14.10.2019

Формат 60x85 1/16. Бумага офсетная

МЦНП «Новая наука»

185002, г. Петрозаводск

ул. С. Ковалевской д.16Б помещ.35

office@sciencen.org